

Море. Огромная, голубая, раскинувшаяся от края до края синева, сдобренная белоснежными барашками волн. Легкий бриз, с любопытством трогающий мою мордочку теплыми, невидимыми крыльями, отстал и вновь принялся играть с охапками сердито шипящих волн, игриво подгоняя и выбрасывая их на берег.

Лежа на горячих, нагретых безжалостно палящим солнцем досках пристани, я ощущала, как мое тело постепенно покрывается пленкой липкого, пахучего пота и начинает превращаться в кусок хорошенько пропеченной конской колбасы. Скинув весь свой доспех, я осталась в богато расшитой тунике, и плотная, ярко-алая ткань подарка Рарити уже успела насквозь пропитаться потом, служа плохой защитой от палящих солнечных лучей и волн зноя, накатывающихся на меня со стороны портового города. Зеленоватая, словно бутылочное стекло, вода была тепла, как парное молоко и неторопливо игралась с моей ногой, спущенной вниз с разошедшихся, выцветших досок. Задумчиво глядя в колышущееся марево горизонта, я не думала ни о чем, лишь изредка поднося к мордочке влажное копыто, роняющее на мой язык горькие, как слезы, капли морской влаги.

Кантерлот провожал нас без особого ликования. Любопытные по своей натуре, пони вновь заполнили улицы города, с любопытством глядя на шеренги марширующих легионеров, несущих на своих спинах здоровенные мешки с поклажей. Выведя подчиненных в наш первый, «настоящий» поход, я нагрузила их так, словно за стенами эквестрийской столицы располагалась чужая, враждебная нам страна, и легионеры лишь пофыркивали, чуя тяжесть, отличную от той, что была привычна для любого гвардейца. Конечно, я поняла лишь какое-то время спустя, что наш марш походил больше на парад в честь дня советского туриста, чем на гордое шествие победоносного войска принцесс, но в тот момент мной владело лишь желание опробовать в деле подход древнеримского войска – «все свое ношу с собой», поэтому и я сама, кряхтя и жалуясь, взвалила на свою спину две огромные переметные сумы, не желая хоть в чем-то отставать от своих подчиненных. Тем не менее, само шествие прошло без особых осложнений. Ну, если не считать таковыми ржание, доносившееся до нас с балкона одной из гвардейских казарм, занятой гвардейцами командора. Ну, и присутствие самого посла.

Не знаю, что там имел в виду второй секретарь, когда пенял принцессе на неподготовленность ее посланника, но я мгновенно поняла, в какую задницу угодила моя кентурия, едва только увидев этого «посла».

Единорог, серого цвета с тремя белыми звездами на крупе. Серый жилет, белая рубашка с пышным, кружевным жабо. На голове – цилиндр, украшенный пряжкой и красной лентой, скрывающий коротко стриженную, белоснежную гриву, короткой челкой кокетливо закрывающую невыразительные, грязно-серые глаза. И голос... Уже через несколько секунд после начала общения я была готова избить его до полусмерти из-за этого слащавого, такого жеманного баритона... Изначально приятный, уже после пары слов он начинал вызывать у меня неконтролируемое подергивание мордочки и желание забубенить говорящему в ухо стальным накопытником моего поножа, лишь бы не слышать этих длинных, растягиваемых слов. Глядя на этого франта, даже в солнечный весенний день прячущегося от солнца под большим зонтом, влекомым над головой хозяина сосредоточенным слугой, я все больше и больше убеждалась в том, что мои

догадки относительно порученной мне миссии пугающе верны.

– «Но зачем принцесса послала на эти переговоры столь неподходящую фигуру? Неужели вправду лишь из-за светлой памяти одного из своих подданных? Тогда зачем вообще кого-то посылать в эту отдаленную заморскую страну, если делегация из Камелу уже приехала в Кантерлот?» – недоумевала я, тяжело топая в первых рядах своего воинства, не забывая добродушно кивать приветствующим нас пони – «И что это за странный пакет, в тайне подсунутый одним из секретарей принцессы лично мне, помимо стильно упакованной дипломатической почты, торжественно врученной дражайшему послу? Что-то здесь не чисто, крупом чую!».

Богатые кварталы особняков и коттеджей закончились, и ровные камни богатых районов сменились зеленоватой брусчаткой более скромных, «спальных» районов города, гремющей под нашими закованными в сталь копытами. Едва высунув нос из окружавшего дворец парка, я лишь покачала головой, глядя на запруженный, словно Тверская в час пик, Большой Кантерлотский Тракт. Похоже, подданные принцесс воспряли от длительного периода зимнего ничегонеделания, и развили в столице бурную деятельность, полностью запрудив главную транспортную артерию страны. Беря свое начало едва ли не от самого дворца, Большой Кантерлотский Тракт представлял собой широкую, длинную дорогу, простиравшуюся от Кантерлота на многие мили окрест, связывая между собой крупнейшие города страны – Мейнхеттен, Филлидельфию, Кантерлот, Сталлионград и Лас Пегасус. Конечно, его ровная, вымощенная приметной зеленоватой брусчаткой поверхность позволила бы нам с легкостью добраться до побережья, но приказ Селестии был краток и однозначен – как можно быстрее достичь берегов одной из экзотических стран юга, где мне предстояло «обеспечить необходимую поддержку при проведении переговоров», поэтому я лишь вздохнула, и повернула свой разношерстный отряд вглубь города, в менее загруженные кварталы зажиточных середнячков, где наш отряд смог бы без особых проблем достичь кантерлотского вокзала. Накопившие достаточно денег или попавшие на хорошую работу, чтобы иметь возможность поселиться в столице королевства, эти пони не были подвержены так раздражавшему меня снобизму и гордыне, отличавших представителей высшего класса эквестрийского общества, поэтому я нисколько не возражала против веселых криков и шуток, отпускаемых моими бойцами в ответ на радостные приветствия пони, встречавших нас на своем пути. Узкие улочки, заполненные передвижными лавочками, были забиты чуть меньше, чем центр города. Первые этажи узких, словно сошедших с европейских картин эпохи ренессанса, двух и трехэтажных домов были заняты магазинами, лавочками и недорогими питейными заведениями, в меню которых можно было найти не только сидр и дешевое вино, но даже и соль.

– «Хай, а что такого необычного пони делают с солью?» – притормозив и поравнявшись со своим заместителем, спросила я, проводив глазами очередной бар «Соляные озера», предлагавший аж пять наименований белого минерала, готового к употреблению местными копытными – «Солевые ванны принимают, что ли?».

– «Ага... Ванны... Если только капают в нос!» – весело ржанул Хай, но поймав мой недоумевающий взгляд, поперхнулся и пояснил – «Нюхают они ее, командир! И лижут».

– «Нюхают? Соль?!».

– «Ну да. Среднему жеребцу хватает для вылизывания двух – трех солонок, чтобы уже нетвердо стоять на ногах, а десяток отправят под стол даже самого крепкого из пони. Некоторые прирастались нюхать ее, для сбережения средств, но хотя это и позволяет быстрее достичь чувства опьянения, очень скоро их носы начинают чесаться и болеть. Богиня не одобряет подобного времяпровождения, поэтому лишь самые крутые и смелые пони отваживаются заказывать себе подобное зелье».

– «Значит, наркотическая зависимость существует и тут? Однако же!» – сердито нахмурилась я – «Эти долбанные наркоманы проникли даже в ваше мирное общество! Значит так, Хай – в будущем доведешь до сведения всех, что тот, кто будет замечен в нюхании чего-то подобного, будет вздернут лично мной на первом же столбе, без всяких поблажек и скидок на возраст и звание. Ясно?».

– «Ээээ... Так точно, командир!» – обеспокоенно вскинулся желтый жеребец – «Командир, осмелюсь доложить – это не то, что вы подумали!».

– «А что я подумала?» – зарычала я в ответ, заставив трусившую за нами шеренгу на секунду сбиться с шага – «Что я не люблю этих сраных наркоманов? Эх, знал бы ты, умник, как они бесили меня еще тогда, в мою прошлую... В общем, не важно! Я не хочу возиться с очередными наркозависимыми в своем отряде, и точка!».

– «Как прикажешь, Раг. Но это не то, что ты говоришь» – не сдавался Хай – «Это не дурман-трава или белый порошок зебр, вызывающий видения и болезненное пристрастие. Это что-то вроде сухого алкоголя. Он не дает запаха, не вызывает похмелья, но гарантированно вырубает тебя на несколько часов. Поэтому в обиход пони и вошла эта пословица – «как соли нализался», про тех, кого очень трудно разбудить».

– «Ладно, потом разберемся с этой солью... Филолог!» – не желая признавать свою неправоту, проворчала я – «Но все равно, я не одобряю всей этой фигни!».

– «Ага. Слышь, ребята – наша кентурион говорит, что не одобряет пьянства!» – ржанув, проорал Хай. Последовавший за этим гогот почти сотни глоток заставил меня стыдливо пригнуться, прижимая уши к голове – «Поэтому каждый, кто будет пойман в нетрезвом состоянии, будет страшно, просто ужасным образом наказан лично ею!».

– «Ну ты и язва, опцион!» – в сердцах шипела я, слушая довольный хохот у себя за спиной. Громко переговариваясь, легионеры с удовольствием делали предположения, каким же образом я смогу поймать и выпороть сама себя, и вскоре, задние ряды уже вовсю делали ставки на то, как часто им придется снимать мою повешенную тушку с очередного столба, густо понатыканных возле моего любимого Кафе – «Ну погодите, вы у меня еще поплачете, слышите?».

Долго плутать по городу нам не пришлось. Уже через час наша кентурия достигла вокзала и принялась медленно и бестолково грузиться в отведенный для нашей поездки поезд. Более сотни пони с выпученными глазами носились от вагона к вагону, сталкивались, разбегались, теряли свое имущество и находили чужое, забывая свои десятки и влезая в чужой вагон. В общем, царил нормальный, на мой взгляд, атмосфера местечкового вокзала, и я с удовольствием глядела на всю эту суету с крыши багажного вагона, в недра которой то и дело летели переметные сумы очередного легионера.

– «Такс, заметка номер двенадцать. Присвоить каждому легионеру личный номер,

который одновременно будет являться и инвентарным» – неторопливо диктовала я, лениво отвешивая пинок по шлему зазевавшегося пегаса из третьего десятка, придавая ему дополнительное ускорение при входе в вагон – «Это позволит нам быстро находить свои вещи в любой свалке, даже такой, как сейчас».

– «Записал» – кивнул Хай, с невозмутимым видом сидя рядом со мной – «Может, тебе стоит вмешаться во все это, а?».

– «А зачем?» – пригревавшее солнышко припекало меня сверху, в то время как теплая, выкрашенная в желтый цвет крыша подо мной приятно грела мое развалившееся на ней пузико, и я не была настроена прерывать такой классный расслабон из-за сотни четырехногих, глупо мечущихся олухов – «В конце концов, я уверена, они получают от этого не меньшее удовольствие, чем я, наблюдающая за всем происходящим сверху».

– «Ага. А еще – вон та толпа гражданских, на соседней платформе. Они тоже явно получают несказанное удовольствие от всего этого спектакля» – поморщился мой заместитель. Лениво повернув голову в сторону соседней платформы, я и впрямь отметила необычно большую толпу пони. Похоже, наше отбытие вправду становилось событием дня...

– «Ясно. Значит, пора заканчивать этот спектакль. Ишь, удовольствие себе отыскиали, морды!» – недовольно пробубнила я, поднимаясь с такой славной, теплой крыши и набирая в легкие побольше воздуха – «А теперь... СМИРРРРНАААААА!!!».

Мой вопль, усиленный поднятыми над головой крыльями, прокатился по вокзалу подобно паровому катку. Огромные перьевые простыни, вздыбленные над головой наподобие акустической раковины, усилили мой вопль во много раз, и на платформу опустилась необычная для этого часа тишина. Суетившиеся легионеры вздрогнули и замерли, крутя головами в поисках источника знакомого рева, в то время как подавшаяся назад, на противоположной платформе, толпа не досчиталась нескольких наиболее впечатлительных своих членов, от испуга грохнувшихся в обморок.

– «РРРАЗБИТЬСЯ НА КОНТУБЕРРНИИ! ДЕКАНЫ, НЕ СПАТЬ, МАТ VASHU ТАК!» – продолжила сотрясать воздух я – «ПО ДВА ДЕСЯТКА В КАЖДЫЙ ВАГОН, СЧИТАЯ ОТ ГОЛОВНОГО! ОРУЖИЕ ПРИ СЕБЕ, ВЕЩИ В БАГАЖ! ШЕВЕЛИТЕСЬ, УДАВЫ ХРОМОНОГИЕ!».

– «Да уж, задала ты им жару» – усмехнулся мой помощник, спрыгивая с крыши и с удовольствием глядя на возобновившуюся суету. Впрочем, теперь она явно была гораздо более организованная – десятники не зря ели свое сено и, получив от меня карт-бланш на применение довольно специфических мер воздействия на подчиненных, от всей души пользовались этим правом, с удовольствием прохаживаясь древками копий и обутыми в сталь копытами по своим легионерам. Вскоре, все вещи были сложены в багажный вагон, и поезд тронулся прочь, шипя и обдавая паром провожавших нас взглядом пони, собравшихся на вокзале в ожидании очередного экспресса. Высунувшись из окна вагона, я наслаждалась шорохом ветра, треплющего мою постриженную и заново переплетенную гриву, скользя глазами по предгорьям, плавно перетекавшим в холмы, тянущиеся на север от Кантерлота до самого Понивилля. Оглянувшись назад, я долго смотрела на Большой Кантерлотский Каскад, чьи величавые струи прыгали из одной золотистой чаши искусственного пруда в другую, чтобы в конце бурным, шумящим потоком устремиться

вниз, в котловину Кантерлотского водопада. Прищурясь, я долго смотрела вниз, в блестящую на солнце поверхность озера, омывавшего подножия Кантерлотских гор – где-то там, внизу, в глубине голубовато-серой воды, лежал паровоз, едва не утянувший меня с собой в мрачную могилу скованного льдом озера. Нахмурившись, я опять, в который раз, переживала те, кажущиеся такими далекими события, отмечая про себя и собственное дурацкое поведение и все те ошибки, которые мы тогда умудрились совершить. Но вскоре, город скрылся от нас за большой, бурой горой, отрезав от меня белоснежный город, водопад и мысли о прошлом. Стоявшая неподалеку от своих товаров, она казалась старой, дряхлой медведицей, чья вытершаяся шкура была покрыта зеленой взбиравшихся на нее деревьев, и я невольно повеселела, глядя на яркие нити горных ручьев, задорно блестящих на зеленеющих склонах горы. Миновав дугу восстановленного виадука, все так же поражавшего головокружительной глубиной расположенного под ним ущелья, поезд громко загудел и ускорил свой бодрый бег, вызвав ответные, радостные крики в занимаемых legionерами вагонах. Наш путь лежал на юг, в приморский город Стейблсайд.

– «Приморский город, рыжая заря» – тихонько напевала я, спускаясь со ступенек вагона вместе с прочими земнопони. Уж не знаю, что они такого углядели в моей привычке ходить на своих четырех, но я иногда слышала краем уха шепотки про то, что *«командир-то пегас, а все ж как мы, по земле ходит. Видать, уважает земнопони, ведь сама среди них выросла...»*, хотя и старательно изображала при этом слепоглухонемого прапорщика – «Упал он в море гроздь юантаря...».

Жаль, не дожил певец до момента, когда его песенку, хоть и с переделанными словами, будет напевать мелкая пятнистая кобылка, скептически оглядывающая конечную остановку своего железнодорожного путешествия. Хоть и построенный на берегу теплого Моря Вечности, город был на удивление сер и неприметен, по большей части представляя собой нагромождение складов и сортировочных фабрик, занимавшихся хранением, сортировкой и упаковкой доставляемых из-за моря фруктов. Похоже, весь город пропах цитрусовыми, должно быть, невероятно беся этим своих постоянных обитателей, хотя для нас этот тяжелый, терпкий аромат подгнивших фруктов был явно в диковинку.

– «Ммм, какой запах!» – протянул Хай, весело глядя на мою обливающуюся потом тушку – «Отсюда весь город кажется одним огромным апельсином. Или лимоном. Или бананом».

– «Ага. Или гнилым лимоно-апельсино-бананом» – прохрипела я, стараясь как можно незаметнее стащить с себя ярко-алый плащ кентуриона – «Хай, давай команду строиться и выдвигай ребят к порту. Я скоро сдохну на этой жаре в своем доспехе!».

– «Эх, командир! Ничего ты не понимаешь во фруктах!».

– «Я много чего понимаю во фруктах, опцион!» – недовольно бухтела я, сидя в гамаке, подвешенного в полутьме выделенного нам грузового трюма. Пузатое, округлое судно с плавными обводами сужающихся к верху бортов напоминало скорлупку грецкого ореха и весело подскакивало на невысоких волнах, с шумом стучавших в его округлый, словно

пузо, нос. Я понятия не имела, к какому типу парусных судов относилась эта лохань, но то, что она возила в своем чреве фрукты, фрукты и еще раз фрукты, мы почувствовали сразу после погрузки и теперь, сидя в полутьме трюма, мои верные бойцы имели полную возможность продегустировать всю гамму запахов прелых фруктов и овощей.

– «Хорошего должно быть понемногу!» – возразила мне Сильверхуф, все еще тянущая лямку простого легионера десятой кентурии в наказание за свой провал – «У меня от этих запахов аллергия, да еще и морская болезнь...».

– «Запахок тут действительно отвратный» – признала я, ворочаясь с боку на бок в промокшей от пота тунике – «Но зато можно наловить рыбки и хорошенько ее накопить про запас. Да и просто пожарить можно. Знаешь, как классно получается морская рыба с лимоном, например? Ммммм, просто объеденье!».

– «Ты ела мясо, командир?» – оторопело спросил меня кто-то из второго десятка, в то время как мордочка лежавшей в своем гамаке Сильверхуф постепенно начала приобретать странный зеленоватый оттенок – «А... А зачем? И почему именно морскую?».

– «Хха! Ничего ты не понимаешь в кулинарии!» – перевернувшись на спину, я поудобнее пристроила крылья и начала фантазировать, с интересом следя за эволюциями цвета на морде лежащей неподалеку серебристой кобылы – «Морская рыба, в отличие от речной, не имеет этого соленого запаха, напоминающего запах свежей мочи. Вот помню, однажды на свадьбе подруги собрались наши друзья-врачи, а к столу как раз подали речную...».

– «К-кентурион... Пожалуйста...» – простонал кобылий голос из соседнего гамака – «Меня... Сейчас...».

– «А? Ох, прости, Сильверхуф!» – опомнившись, я стукнула себя копытом по голове – «Не бойся, буду молчать про рыбу. Просто корабль до нас возил одни фрукты, вот и пропах ими от палубы до киля. Ну, зато в местном сортире, или по-морскому, *гальюне*, запахи тоже не подарок (серебристая кобылка позеленела еще больше и уткнулась мордой в свою сумку, лежащую в ее изголовье), хотя и перебивают трюмный аромат. А тут у нас хорошо, хоть и жарко. Ладно, о рыбе говорить не будем, тогда о чем?».

– «Ну... О море?».

– «А что с ним?» – удивленно спросила я, в то время как при слове «море» Сильверхуф приняла крайне забавный салатный цвет и начала барахтаться в своем гамаке – «Мы лежим, корабль плывет, гамаки качаются туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда...».

– «Бгрлррррг!» – не выдержав, серебристая кобыла издала довольно забавный с точки зрения физиологии звук и принялась лихорадочно выбираться из гамака, после чего со стоном ломанулась к лестнице на палубу, сбив по дороге спускающегося по ней помощника капитана.

– «Эй, чего это она?» – возмутился едва не наверху с лесенки земнопони – «Очумела штоль, тупая кобыла?».

– «Эта «тупая кобыла» может сломать тебе все четыре ноги, после чего оторвать «пятую» и забить этой штукой насмерть. Ясно?» – сверкнула я глазами из своего гамака на бравого морячка. Конечно, его можно было понять – начальство на корабле, как ни крути, но и своих легионеров задевать я не позволяла никому – «Что нужно, помкапитана?».

– «Старшего хочет видеть капитан» – пробухтел жеребец, впрочем, вдохновившись моим замечанием при виде сотни вооруженных морд, недобро поглядывавших на него из

десятков гамаков, развешенных по всему трюму – «И в трюме не блевать!».

– «Хорошо» – покладисто согласилась я, выпрастываясь из тканевого гамака – «Если захочу поплевать – я тебя найду и сделаю это в твой карман. Ну, что застыл? Веди, морской конек!».

– «О неееет!» – прошипела капитан, глядя на мою мордочку, с интересом нюхающую воздух – «Это *она*! Ну, нам теперь точно хана!».

– «С чего бы это вдруг?» – удивилась я, оборачиваясь и глядя на приближавшуюся ко мне грифину. Или грифониху? Я порылась в памяти, вспоминая прочитанные во время болезни книги об этих пернатых кошках – «Фрау капитан? Какая милая шляпка... А можно и мне такую поносить?».

– «Не фрау, а фроляйн, пятнистая!» – вновь зашипела капитан, подходя ко мне вплотную и недобро глядя на меня своей клювастой мордой. В отличие от моего знакомого *фрайхерра*, эта птичка была еще молода, и ее внушительного вида когти глубоко впивались в палубу, инстинктивно хватаясь за нее при каждой волне, в то время как красовавшийся на грифине темный камзол красиво развевался на теплом морском ветру – «Это точно *она*! Да еще и с кучей сухопутных крыс!».

– «Ага» – решив, что разговор о моде не состоялся, я отбросила всякую вежливость и мерзко ухмыльнулась в морду сердито хмурящейся птицекошке – «Это я. И что веселее всего, эти сухопутные крысы получили в свое подчинение это судно. Здорово, правда?».

– «Хха! Вы слышали, ребята? Они думают, что они тут командуют!» – обратилась *dame* капитан к своим помощникам, околачивающимся недалеко от нас – «И с чего это такие выводы, наземная?».

– «Наземная? Правда? Наверное, *фроляйн* недостаточно внимательно читала сопроводительные бумаги на этот рейс...» – скучным голосом предположила я, неторопливым, эффектным жестом распахивая крылья. Разведенные в стороны, они заняли почти все пространство на квартердеке, недобро шелестя длинными, словно ножи, маховыми перьями – «...в которых четко сказано, что «судно поступает в распоряжение...». Мне продолжать?».

– «Это пишется во всех документах, причем чисто формально!» – не желая сдаваться, возразила грифина, с трудом отводя глаза от моих огромных порхалок, в то время как ее помощник и пара матросов продолжали таращиться на беловатый, мягкий пух подкрыльев «наземной крысы» – «Никто в своем уме не будет перечить капитану, ведь я отвечаю за это судно и знаю, как им управлять!».

– «Ну, вот и славно» – откликнулась я, складывая крылья и следя одним ухом за забавными звуками, издаваемыми где-то внизу моей серебристой подчиненной. Кобыла перевалилась через борт едва ли не на половину, и теперь самозабвенно подзывала Ихтиандра из зеленоватых морских глубин – «Думаю, вопрос с субординацией решен, капитан? Мы всего лишь мирные туристы, подчиняющиеся командам разумного капитана, однако если потребуется, то я всегда могу провести небольшие учения на море, называемые «захват торгового судна при полном или частичном сопротивлении его команды». Надеюсь, мы понимаем друг друга?».

– «Вполне... Кентурион» – сдалась грифина, делая шаг назад и протягивая мне когтистую

лапу – «Меня зовут капитан Аликбейда, подданная Эквестрии и Камелу. Фроляйн Аиксан Аликбейда, если тебе так привычнее, кентурион».

– «Кентурион Первой кентурии Первого Эквестрийского Легиона Скраппи Раг. Или просто кентурион Скраппи Раг, если тебе так удобнее, капитан» – откликнулась я, несильно стукая копытом о подставленный мне кулак птичьей лапы – «А откуда ты меня знаешь, и почему такой негатив? Неужели тебе пришлось отдать мне свой гамак, чтобы я могла повалить на нем свою спину?».

– «Мы проводим в плавании по месяцу и больше, но все же читаем Эквестрийские газеты» – подойдя со мной к ограждению квартердека, грифина облокотилась на перила и задумчиво принялась разглядывать сверкавшую на солнце серебристую задницу Сильверхуф, вновь принявшуюся полоскать свою утробу в зеленоватые барашки волн – «Там тебе посвящена отдельная колонка в самом конце двух из них. Кажется, твоя идея с этим новым войском заставила половину страны спорить о преимуществах и недостатках нового боевого строя, хотя лично мне гораздо интереснее читать слухи о твоих безобразиях в Палате Общин или лихих гулянках в каком-то мрачном питейном заведении».

– «Все это ложь и клевета» – фыркнула я – «Все было гораздо веселее, чем пишут эти придурковатые писаки из желтой прессы. На самом деле, я не столь ограничена, как они пишут, и гораздо, гораздо хуже!».

– «Я так и подумала» – улыбнулась капитан, что в исполнении грифины выглядело довольно потешно, словно она улыбалась в колпачок, надетый на весь нос – «Приятно знать, что ваша страна еще не до конца превратилась в пристанище высокомерных снобов и трусливых фермеров».

– «Думаю, мои ребята не относятся ни к одной из этих категорий» – хмыкнула я, внимательно следя за грифиной и отмечая направление ее взглядов – «Значит, все в порядке, и гамак остается при мне?».

– «Да брось, кентурион. У меня, как у капитана, есть отдельная каюта с нормальной кроватью» – отмахнулась Аликбейда, переводя взгляд желтых глаз с крупа Сильверхуф на мою блаженствующую от теплого ветра мордашку – «С нормальной, *двухспальной* кроватью».

Открыв глаза, я покосилась на капитана, томно разглядывавшую поджарый серебристый круп, колышущийся над бортом. Похоже, нравы среди грифонов были довольно просты и безыскусны, а может, жизнь на море меняла отношение моряков к удовлетворению своих потребностей... Кто знает? Я лишь ответила пожатием плеч и подняла глаза к небу, намекая на отсутствие среди своих легионеров пуритан или ханжей. Насколько я знала, серебристая кобыла не так давно пережила период повышенной весенней активности, так что пусть покувыркается с экзотической крылатой кошкой, если захочет. Проходя мимо висящей на борту Сильверхуф я сглотнула – и поспешила спуститься вниз, стыдливо отводя глаза от открывавшихся мне видов, твердо решив прочитать лекцию своим подчиненным о том, как нужно держать хвост, когда блюешь с палубы корабля.

«Черт бы ее побрал, я ж тоже не святая! Ох Графит, куда же ты пропал, а? Подо мной скоро любая кровать сгорит!».

– «Как там наши ребята?» – очередная волна мягко толкнула мою ногу, весело шипя в извитой, розоватой борозде страшного рубца.

– «Потеют» – ответил Хай, недоверчиво глядя на прикрывавшие мои дрезды тюбетейку. Заплетенные бабулей косички вновь посверкивали стеклом старых бус, вплетенных ловкими, любящими копытами в мою черно-белую гриву и теперь, при каждом движении, при каждом повороте головы к тихому позваниванию ножных браслетов добавилось озорное пощелкивание десятков шариков из прозрачного стекла.

– «Потеют...» – повторил опцион – «Командир, ты бы ушла с солнцепека, а? У нас и так уже двое сознание теряли, а Минти вообще забилась в спальню и носа из своего мешка не высовывает.

– «У нее... Это самое?».

– «Да, похоже. С ней Сильверхув, и она говорит, что ничего страшного. Просто ей не стоит напрягаться еще пару дней – и все закончится само собой».

– «Заглянем вечером на местный базар, возьмем душицу и полынь. Вроде бы должны неплохо помогать, как я слышала».

– «Возможно. Командир, может...».

– «Море, Хай. Ты когда-нибудь видел море?».

– «Нет, кентурион» – испустив глубокий вздох, мой помощник присел рядом со мной и, поколебавшись, снял шлем, с неудовольствием сощурившись на яркое солнце – «Но после такого огромного неба, эта лужа воды не выглядит чем-то особенным».

– «Я тоже нет... Ну, почти нет. Картинки и телевидение не в счет» – продолжила я свой монолог. Мне было абсолютно плевать на выражение непонимания на морде опциона, ведь в тот момент все, что мне было нужно – лишь мягкая ласка набегающей воды и молчаливый собеседник, готовый выслушать весь этот бред – «Правда, однажды я была в Карелии, на Белом море. Вот это была и вправду лужа, Хай. Что это за море такое, глубиной в тридцать метров? Кроме рыбы и водорослей в нем не было ничего интересного, и за пять дней, проведенных в гостевых домиках на разных островах, я извелась настолько, что даже сутки, проведенные в душном поезде, восприняла как избавление. А еще эти насекомые...».

– «Эммм... Кстати, по поводу насекомых, Раг. Наши ребята начали чесаться» – сбитый с толку моими воспоминаниями, заместитель был рад уцепиться за первый же попавшийся предлог для того, чтобы перевести разговор в более конструктивное русло – «Не знаю, кто подцепил это первым, но бывшим гвардейцам приходится хуже всех. Они не проходили Обитель Кошмаров, поэтому почти половина наших вояк покрылась жуткими пузырями и нарывами. Не знаю, что это такое, но сегодня я почувствовал навязчивое желание помолиться и восславить нашу Госпожу за ее мудрость, ведь мы уже успели пройти через что-то подобное».

– «Понимаю» – дух в глубине души заинтересованно завозился, услышав о новой заразе, но мне было крайне лениво вставать и куда-то бежать, поэтому я лишь вздохнула, и снова окунула копыто в воду – «Значит, добавим в перечень покупок мяту, уксус и сок. Ты какой

сок предпочитаешь?».

– «Ээээ... Томатный. А что?».

– «Томатный» – сморщилась я, лениво поглядев на сидящего напротив желтого пегаса, автоматически отмечая капли пота, серебрившиеся в его шерсти – «Представь себе моих вояк, вымазанных в раздавленных помидорах, листьях мяты и окруженных полчищами злобных мух. Ну ты и зверь, опцион!».

Хай обиженно замолчал, неодобрительно щурясь на мою сибаритствующую тушку.

– «Ладно, иду, иду!» – раздраженно нахмурилась я, вынимая ногу из воды и устремляя недовольный взор на заметно повеселевшего Хая – «Пойду лично посмотрю, что там за страшные нарывы, и как там потеют эти бездельники!».

Страна Камелу жила торговлей. Это чувствовалось в неторопливом движении сотен огромных, по меркам пони, повозок, доверху набитых баулами, ящиками и тюками; в пронзительных криках зазывал, громкими, пронзительными голосами, похожими на визг несмазанных дверей, рекламировавших вверенные им лавки, располагавшиеся в стенах глинобитных домов; в десятках кораблей, ежедневно бросавших якорь в удобном порту, занимавшем большую часть и без того немаленькой, очень удобной бухты. Богат и славен владыка Кухрум, предводитель праведных, владетель многих городов, и Надира – одна из красивейших жемчужин в его короне.

Нестерпимый блеск белоснежных стен – вот первое, что встречал на своем пути любой путешественник, прибывая в этот город на корабле, в повозке неторопливо бредущего каравана или на своих четырех ногах. Этот блеск был замечен за много парасангов¹, придавая городу вид настоящей жемчужины, по странной прихоти судьбы забытой кем-то на морском берегу. По мере приближения к городу очарование понемногу рассеивалось, облезая шелухой бедных глиняных халуп и обветшалых шатров, заполонивших пригороды Надиры, но еще долго усталый путник восхищенно крутил головой, разглядывая высокие, белоснежные стены города, сжимавшие в своих каменных объятьях кварталы городских домов. Но высокие башни храмов Всеединому, откуда в положенный час доносились громкие, заунывные славословия Отцу Отцов, красивые изразцы богатых домов, садики с фонтанами, крикливыми павлинами и обязательной сенью² – первое, и зачастую, последнее, что мог увидеть путешественник в благословленной Всеединым Камелу, ибо доступ на всю прочую территорию страны вот уже много веков разрешен лишь подданным владыки. Прочие же расы, а так же немногочисленные иноверцы, могли попасть в Камелу лишь по личному приглашению какого-либо важного бея, либо – в цепях рабов, хотя кайм³ владыки всячески отвергал нападки других стран, изо всех сил отрицая то, что для других уже давно являлось непреложной истиной.

Камелу являлось крупнейшей страной, в которой отчаянно процветал рабовладельческий

¹ Парасанг (вербл) – верблюжья миля, 6-7 км.

² Сень – в архитектуре – шатер, навес на колоннах.

³ Кайм – высший законодательный орган при правителе Камелу.

строй.

– «Аййй!» – взвизгнула я, впечатляющим прыжком перемахивая через стоявшего позади меня Хая и прячась за его немаленьким, облаченным в доспехи телом от немигающего взгляда ярко-желтых, светящихся глаз, злобно смотревших на меня из темноты коридора – «Что за?!».

Большой, каменный дом, выделенный нашему посольству, был стар, но все еще крепок. В его высушенных, словно старый сухарь, потрескавшихся на беспощадном солнце, стенах, таились остатки былой роскоши, и я с удовольствием согласилась занять этот дом и сад, не слушая возражений слуги дражайшего посла о несоответствии выделенных нам помещений высокому статусу его особы. Я уже догадывалась, пускай и смутно, о цели нашего пребывания в данной стране, поэтому меня мало волновало количество комнат и наличие фонтана с павлинами, похоже, бывших такими же обязательными атрибутами хороших верблюжьих домов, как коврики для ног в домах проживающих на соседнем материке пони. Располагаясь на границе богатого и бедного кварталов Надиры, он подкупил меня своими каменными стенами, тремя этажами и наличием обнесенного невысокой глиняной стеной садика, как и ожидалось, населенного этими гнусными, крикливыми павлинами, считавшимися здесь чем-то вроде талисмана удачливости и богатства. Как выяснилось, треском своего хвоста они напоминали губастым аборигенам о звоне денег, но единственная ассоциация, возникавшая у меня при виде очередного горластого петуха, важно вышагивающего по двору, была скорее гастрономического свойства. Прислужник посла, Фэйр Ноуз, явно заметил мои плотоядные взгляды на упитанные тушки этих сине-зеленых куропаток и прискорбно внимательно следил за количеством выделенных нам павлинов, поэтому мне оставалось лишь развлекаться, периодически гоня пинками вокруг фонтана очередную горластую сволочь. Конечно, была еще одна причина, о которой я не посчитала нужной докладывать послу – некоторая обособленность этого дома, гарантировавшая мне отсутствие проблем с местными Альтаирами, Спайдерменами и прочими любителями посещений чужих домов посредством крыш.

Насколько мне было известно, летать верблюды никогда не умели, да и не стремились.

– «Н-не подкрадывайся ко мне так!» – я с трудом оставила попытки спрятаться за отнюдь не маленькой спиной своего опциона и сердито сопя, уставилась на двух стражей, неслышно нарисовавшихся из темноты коридора. Прикрепленные к моей кентурии на время выполнения этого посольства, они старались не афишировать свое присутствие, всю поездку скрываясь под длинными плащами, а по прибытии в город – отсыпаясь в душной полутьме спальни большую часть дня. Лишь под вечер, нацепив свои фиолетовые доспехи, мои бывшие коллеги отправлялись в город, по каким-то собственным делам, суть которых они не потрудились мне сообщить, несмотря на мое демонстративное неудовольствие.

– «Что-то вы оживились с приходом ночи!».

– «Приснайся, что испугалась, Раг».

– «Я? Вас?» – от возмущения слова застряли у меня в горле – «Да hren tebe v mordu!».

– «Исспугалась!» – прошипел второй, подкравшись ко мне сзади, после чего эта парочка залилась тихим, шипящим смехом при виде моей взбрыкнувшей от неожиданности тушки – «И это ее Праул Шейд ставил нам в пример?».

– «Ах вы...» – не на шутку рассердившись, я издала воинственный клич и ринулась на мохнатоухих мерзавцев, награждая их чувствительными ударами по загудевшим под моей обувью в стальной понож ногой шлемам. Я успела провести несколько замечательных минут в куче из трех тел, вцепившись зубами в ухо одного стража и неплохо отбрыкав второго, пока, наконец, Хай не отодрал меня от порядком потрепанных «ночных хищников».

– «Советую вам как можно быстрее найти себе какое-нибудь дело, причем как можно дальше от этого дома» – спокойно проговорил он, удерживая передней ногой поперек живота мою шипящую и вырывающуюся тушку – «Силы, у меня, конечно, не те, что в Обители, так что я вряд ли удержу ее дольше пары минут. Ну, а затем...».

Благодарно кивнув моему заместителю, парочка помятых стражей вновь растворилась во тьме коридора, кидая на меня удивленно-настороженные взгляды. Посопротивлявшись, я смирилась, проболтавшись еще несколько минут в мягком, но крепком захвате своего опциона.

– «Успокоилась, командир?».

– «Хха! Да я не заводилась!» – гордо заявила я, отплевываясь от прилипших к уголкам губ серых шерстинок – «Если бы я и вправду хотела бы их наказать, то я...».

– «То ты вызвала бы меня или Буша» – понимающе кивнул Хай – «Эх, командир, иногда я чувствую себя словно бы вернувшимся в детство, когда мне приходилось нянчиться со своей младшей... Кхе-кхе... Ладно, оставим это. Ты и вправду отправишься в таком виде?».

– «А чем это тебе не нравится мой вид?» – с вызовом спросила я, крутясь возле большого, вставленного в резную деревянную раму зеркала. Отражение, смотревшее на меня из него, было мной, и в то же время – кем-то другим. Доспех и туника исчезли, и их место заняли другие, гораздо более экзотические вещи, которые я вряд ли когда-либо ожидала увидеть на себе. Мои ноги и тело были укутаны в невесомый шелк приятного желтого цвета, по которому струился рисунок из мельчайших, искусно вышитых черных цветов, приятно подчеркивающий золото браслетов, сжимавших все четыре рукава чуть повыше копыт. Поверх него, на мое тело была наброшена мягкая, белая попона, укрывавшая мои плечи, спину и круп, своим широким клапаном закрывая заново отросший черно-белый хвост.

– «Они называют это сочетание «весна пустыни». Правда мило?» – я поворачивалась и так и эдак, разглядывая себя со всех сторон и демонстративно не замечая страдальческого взгляда Хая, уже добрых две минуты державшего на вытянутой ноге полупрозрачный газовый⁴ платок, который я, наконец, удосужилась обернуть вокруг своей головы, вдоволь навозившись с этой, оказавшейся впоследствии нехитрой, процедурой и получив порцию смешков от веселящегося опциона.

– «А я-то радовался, что наша кентурион ведет себя как суровый жеребец» – подтрунивал

⁴ Газовые – полупрозрачные ткани.

надо мной Хай, пока мы спускались по лестнице в просторный холл дома – «Но видно, как кобылку не... Эй-эй-эй, что за?!».

Тихий перестук чьих-то ног, сопровождавший наше движение в холл, в мгновение ока взорвался грохотом нескольких сотен копыт, и едва успевший среагировать опцион чудом успел отскочить в сторону, что явно спасло его жизнь, поскольку уже через несколько секунд я оказалась в тисках пяти десятков кобыл, восторженной, верещащей толпой окруживших мою разодетую тушку.

«Уй, какой цвет! Хачу!», «Какая прелесть!», «Ты погляди на эти усипусечки! А они и вправду золотые?!», «А красный? Красный есть?» – несло со всех сторон. Попытавшийся было призвать к порядку толпу разгоряченных дам Хай растерялся и что-то неуверенно мямлил, оказавшись под прицелом множества кобылиных глаз, недобро поглядывавших на моего опциона, не вовремя, по их мнению, воспылавшего страстью к порядку. В конце концов, мой заместитель сдался и с крайне занятым видом улизнул из холла, оставив меня на растерзание галдевшим товаркам. И впрямь, нужно было уже что-то предпринимать, ведь мысль «А нам? Мы тоже *такое* хотим!» уже прочно завладела умами кобылей части моей кентурии и чувствуя, что я не способна бороться с такой слитной, крепко спаянной вековым чувством женской солидарности толпой, я решила пойти по самому простому пути – возглавить ее.

Фьюуу-ууууууу! – вспрыгнув на стол, я разразилась залихватским свистом, привлекая внимание своих подчиненных – «Итак, кобылы, мы прибыли с вами на юг. Но гнусные верблюды, да раздолбит их задницы Селестия своим божественным рогом, категорически запретили нам показываться на улице без одежды и сопровождения жеребцов, и более того – они прислали один, *всего один* комплект экзотических южных нарядов! Ну и как, будем мы с вами терпеть этот шовинистический беспредел?».

– «Неет!» – в едином порыве взорвался возмущенный кобылий табун – «Мы тоже... И нам... Хотим!».

– «Согласна! Вы все осмотрели эти усипусечки на ногах, эту мимимишечку на спине и няшку на голову? Вот и отлично! А теперь – бодро ищем бумагу, перо и составляем список того, что нам необходимо, с указанием своего роста и размера. Исходя из своих финансов, канешшно!» – слегка прищурившись, я с удовольствием разглядывала в момент рассосавшихся по уголкам товаров, напомнивших мне окрыленных планами казаков, пишущих открытое письмо всем государям мира разом, и лишь порадовалась своей предусмотрительности, заставившей меня захватить с собой немалую часть денежного довольствия своей кентурии. Однако, мой посыл, кажется, дошел не до всех, и я сердито нахмурила брови, глядя на прорывающуюся ко мне кобылу из седьмого десятка. Кажется, эта деревенская бой-пони, уже доставшая меня критикой доспехов и туник, вновь хотела начать клевать мне мозги? Ну счас я ей...

– «Пишите, пишите. Кобылки мы, в конце концов, или нет?» – задорно подбодрила я подчиненных – «А тем, кто не хочет, мы всегда успеем оформить пару внеочередных нарядов на кухню, ведь *жеребчих* наши дела совершенно не касаются!».

Поперхнувшись, земнопони остановилась. В ее глазах промелькнуло сначала удивление, затем удивившая меня нешуточная обида и в конце концов, под смех товарок, она ломанулась обратно, едва ли не первой прорываясь в очередь на запись.

– «Скраппи, а ты уверена, что наш бюджет это потянет?» – озабоченно спросил Хай, когда я выбежала из дома, пряча под наруч свернутый в трубочку лист. Соломенношкурый пегас уже дожидался меня у входа, во главе сводного десятка из первой, второй и третьей контуберний, в состав которого были включены одни жеребцы.

– «Будем надеяться» – озабоченно откликнулась я, труся по дороге во главе своей кавалькады – «Вдобавок, посол выделил мне небольшую сумму, сказав, что верблюды прислали *тайин* – провиант и деньги для содержания иностранных послов. Тем более что мы захватили с собой наши, эквестрийские биты, а золото, как мне кажется, интернационально по самой своей природе».

– «Да, но мы взяли его на случай непредвиденных осложнений, например – необходимости самостоятельно нанимать корабль на обратную дорогу».

– «Если захваченной суммы нам не хватит – то я предлагаю захватить сам корабль» – ухмыльнулась я, вызвав одобрительные смешки легионеров – «И вообще, хватит ныть, Хай! Лучше своди меня на базар!».

Слово командира, пусть даже и произнесенное преувеличенно капризным тоном, не обсуждается, и мы споро двинулись в путь. Прошло немало времени, и вечер уже вступал в свои права, раскрашивая город в темно-бордовые тона. Блестящие купола храмов Всеединому, белая штукатурка городских стен, верхние этажи домов – все было залито тревожным багрянцем. Даже пыль, лениво поднимавшаяся из-под наших копыт, оставалась висеть в неподвижном, остывающем воздухе, кровавой мошкаррой крутясь вокруг факелов, загорающихся на стенах домов. Лишенные даже намека на брусчатку, дороги бедных районов отчаянно пылили, и вскоре я по достоинству оценила вуаль ткани, обернутой вокруг моей головы и предохранявшей мою мордочку от пыли. Трусившим за мной ребятам приходилось гораздо хуже, но мои товарищи стоически терпели это неудобство, изредка выражая свое недовольство фырканьем или сердитым кашлем. Но мучения их продолжались недолго – наш путь, пролежавший среди извилистых улочек старого города, наконец, вывел нас в богатые районы Надиры, окружавшие дворец каймакама – высшего представителя владыки в этой богатой провинции Камелу. Извитые, словно мысли грешника, улочки сменились широкими улицами и бульварами, радовавшими прохожих прохладной тенью негромко шелестевших пальм, стройными рядами выстроившихся вдоль стен домов и садов. Пыльная, сероватая земля уступила место красивой каменной плитке, чьи камни, вытесанные в форме многоугольников, были уложены настолько плотно, что наши копыта почти не ощущали стыков, выбивая звонкую, согласную дробь по мостовой.

И конечно же, мы недолго оставались незамеченными.

Честно говоря, я растерялась, когда впервые увидела перед собой верблюда. Длинная, курносая морда с большими, выразительными глазами под тяжелыми, набрякшими веками, маленький рот, длинные шея и ноги, вместо копыт снабженные двумя короткими

подобиями пальцев, песчаного цвета шерсть, горб – все это поразило меня настолько, что помнится, я тогда даже остолбенела. О нет, это не было проявлением удивления от внешнего вида встретившегося мне существа – в конце концов, благодаря древнему духу, в моей голове оставалось немало общей информации по этим животным – но поражение от осознания того, что стоящий передо мной зверь был на две головы выше самого высокого пони; зверь носил длинный, богатый халат; зверь держал перед собой деревянную дощечку с прикрепленным к ней свитком, в котором он то и дело что-то отмечал павлиньим пером; и этот зверь меня, *меня* рассматривал как какое-то любопытное животное сквозь стекла своих тяжелых, допотопных очков. И теперь, в этот вечерний час, я вполне могла удовлетворить свое любопытство, ведь по улицам вокруг нас ходило, бегало и плевалось множество верблюдов всех возрастов и размеров. Длинные, голенастые ноги дромадов издавали множество едва слышных шлепков по мостовым, но все они терялись в громовом звоне стальных накопытников пони, молотящих по древним камням, и гуляющие по улицам верблюды останавливались и замирали, во все глаза глядя на нашу грохочущую кавалькаду. В отличие от пони, они все носили какую-либо одежду, начиная от закутанных в дорожную парчу богачей, до последних нищих, скукожившихся у стены темного переулочка и не имеющих ничего, кроме грязной повязки на тощих, мозолистых ляжках. Кажется, я теперь начинала понимать, почему посланцы местного владыки так категорично настаивали на ношении нами одежды – без нее мы выглядели бы как оголенные нудисты, приехавшие на экскурсию в какой-нибудь Ливан. В особенности, это требование касалось кобыл. Во время нашей скачки по улицам Надиры, на нашем пути попадалось немало верблюдиц, и я лишь усмехалась, глядя на эти копны материй, скрывавшихся под грудой черных покрывал и сердито глядевших на меня сквозь узкие прорезы своих капюшонов⁵, словно куклуксклановцы – на свою потенциальную жертву. Лишь немногие верблюдицы могли позволить себе идти в столь же открытых и ярких одеждах, как мои, не прячась под черные покрывала. Большинство верблюдов провожало их восхищенными, маслянисто блестящими взглядами и одобрительными кивками губастых голов, в то время как их спутницы лишь что-то шипели им вслед из-под своих длинных, черных одеяний. А уж на меня – на меня тарасились все прохожие без исключения. Верблюды останавливались и застывали от удивления, нищие роняли деревянные мисочки с монетами, копны темных покрывал неслышно прятались за спины своих благоверных – и все, как один, удивленно тарасились на мою бело-желтую фигурку, бодро рысившую во главе кавалькады. На время поездки я отказалась от практики Обители, согласно которой оружие должно всегда оставаться со стражем, и расковала весь свой отряд, справедливо рассудив, что это посольство может растянуться на неопределенный срок, и мне совершенно не импонировали судорожные поиски кузнеца, знакомого с практикой подковывания пони в абсолютно незнакомой стране, да еще и населенной существами без каких-либо признаков копыт. Взамен, все пони моей кентурии щеголяли новыми, плотно сидящими на них накопытниками и я не стала делать для себя исключения, натянув первые три, пришедшиеся мне по ноге. Место четвертого

⁵ Похоже, что Скраппи имеет в виду чадру – длинное черное покрывало и никаб – головной убор с прорезью для глаз.

занимал мой любимый понож с прикрепленным к нему, наподобие перчатки, стальным накопытником. И еще в одном я намеренно пошла против местных обычаев – с помощью ножа, своего верного опциона и длинных сталлионградских ругательств, упоминающих чью-то мать, я несколько изменила дизайн белой попоны и теперь глаза мелькающих мимо нас прохожих неизменно оказывались прикованными к большим, бежевым крыльям, вызывающе торчавших по моим бокам. Похоже, что пегасы были не слишком частыми гостями в Камелу, поэтому остаток пути до местного базара мы проделали в сопровождении небольшой, но очень любопытной толпы.

Базар поражал.

Широкие, запруженные дромадами улицы напоминали бурные весенние реки, в которых толпы покупателей говорили, спорили, смеялись, покупали и продавали вещи в лавках, магазинчиках, навесах и просто с лотков, прицепленных на длинные верблюжьи шеи. И над всей этой суматохой и толчеей, справа, слева, даже сверху – отовсюду доносились громкие хлопающие звуки, словно сотни рыб били хвостами по поверхности воды – это продавцы и покупатели, после долгого торга, наконец приходили к соглашению и скрепляли сделки неожиданно звучными хлопками казалось бы мягких подушечек мозолистых ног. И словно реки, эти улицы стекались в одно место, бывшее сердцем славного города – на базарную площадь Надиры. Передвигаясь от прилавка к прилавку, мы разглядывали экзотические ткани, длинными отрезами струившиеся сквозь мозолистые пальцы торговцев, кувшины и амфоры, развалы с оружием и доспехами. Стоя под лучами заходящего солнца, я терпеливо ожидала своих подчиненных, прилипавших к каждому прилавку, каждому торговцу смертью, гордо разложившим свой блестящий товар. А вот меня заинтересовали золотые украшения. Честно говоря, я и сама оторопела, угадав в себе такое необычное увлечение, ведь до этого я была абсолютно равнодушна к каким-либо украшениям, даже потускневшие кольца на задней ноге воспринимая всего лишь как необходимый атрибут этого тела. Но стоило мне попасть в верхнюю, «золотую» часть базара, как я намертво прилипла к золотым побрякушкам, выложенным для меня на широкий стол дородным двугорбым верблюдом, снисходительно посмеивавшимся над моими горящими глазами, с которыми я перебирала цепи, браслеты и кольца. Посмотрев на огромные, похожие на шлемы, золотые короны, я лишь отвела глаза, понимая, что их стоимость явно выше, чем все золото моего отряда, но зато мне никто не запрещал вдоволь покопаться в браслетах, несколько коробок которых притащил для меня заинтересовавшийся торговец. Губастый стервец явно чуял покупателя и старался изо всех сил, принося мне все новые и новые ларчики, скрины и мешочки, в которых звенели ювелирные украшения. Кольца в нос, кольца в уши, даже на длинную шею верблюдиц – и то находились украшения, не говоря уже о дорогих, широких, сплюснутых с одной стороны кольцах для коротких пальцев верблюжьих ног. Поняв, что меня не интересуют эти специфические украшения, торговец ощерился в заставившем меня вздрогнуть подобии улыбки, и кольца сменились множеством браслетов, к которым я явно отнеслась гораздо благосклоннее.

– «Пасматрыти на эта, *бийче*⁶» – подняв ногу к висевшим под потолком масляным светильникам, издававшим терпкий, сдобренный благовониями запах, бухтел верблюд – «Если ти надэнэц эта на сваи прэкрасни малэньки ножки, твой *бай*⁷ никагда нэ устает пэрэд тваим очараваніэм!».

– «Я бы тоже не устояла...» – пробормотала я, глядя во все глаза на легкие, словно сотканые из воздуха, золотые браслеты. Вытканые из паутины золотой проволоки, они казались необычайно хрупкими, словно застывший морозный узор и тихо позванивали приделанными к ним тут и там крошечными бубенчиками, издававшими негромкий, мелодичный перезвон – «Почтенный купец, я не знаю твоего имени, но ты смог найти то, что улаждает мой взор и душу. Скажи же, во сколько ты оценишь набор из четырех подобных браслетов?».

– «Ай-ай-ай, как красыво гаварит *бийче*!» – восхитился рыжий губан, чьи глаза заблестели еще больше в предчувствии скорой наживы – «Но пазвол спарасыт тэба, *Хаэра* – чэм ти собыраишса платыт?».

– «Ты на что-то намекаешь?» – внезапный холод в моем голосе заставил верблюда подобраться и едва заметно вздрогнуть, резко мотая головой, отчего во все стороны полетели едва заметные в полутьме лавки клочки пенной слюны – «Или у тебя есть какие-либо соображения, недоступные маленькой, безобидной кобылке?».

– «Нэ-нэ-нэ, *бийче*! Я лышь скромни тарговэц, и буду рад продат тэбе эти *закхруфа*, но...».

– «Но что?».

– «Но йа нэ магу прынымат твой понски золот!».

– «Почему?» – удивилась я, оглядываясь на Буша, стоявшего позади меня. За крайне недобрую внешность, которую иначе, как «уголовной», я бы назвать не смогла, ему была доверена почетная миссия инкассатора, таскающего на себе большую часть наших денег – «Я слышала, что раньше таких проблем не возникало».

– «Нэ-нэ-нэ! Ныкак нэвазможна!» – вновь заскулил, закурлыкал губан. Сдвинув на лоб свой тюрбан, он вдруг понизил голос до шепота и доверительно наклонился ко мне – «Хотя я, как чесни тарговэц, мог би вайты в палажений петный кабылка... И продат эй... За опрэделенный цена».

– «И что же это за «цена», а?» – столь же тихо и очень мягко поинтересовалась я, в свою очередь, кладя передние ноги на прилавок и заглядывая в во влажно блестящие глаза дромада. Вместо ответа, он сглотнул, и я почувствовала тяжелый, мускусный запах, исходящий от длинного меха верблюда. Быстрый же взгляд его, брошенный на мои крылья и прикрываемый ими круп не оставил мне сомнений, какую же «цену» запросит за свое золото этот купец – «Понятно».

Раздавшийся щелчок заставил губастого купца вздрогнуть.словно бы невзначай, я повернула правое копыто, и лезвия поножа, до того момента скрытые в блестящем металле, с тихим шелестом выскочили из своих ножен, словно во вражескую плоть, вонзившись в разложенный на прилавке желтый металл. Отшатнувшись, купец схватился

⁶ Бийче – госпожа.

⁷ Бай – господин.

было за что-то, лежащее под прилавком, но застыл, почему-то испуганно глядя мне в глаза.

– «Ти нэ найты... За понски золот...» – прохрипел он, не отводя от меня глаз – «Прихадить *буюрулду*⁸... Запрэщено!».

– «Понятно» – повторила я, заправляя клинки обратно в понож – «Пойдем, Буш. Попытаем счастья где-нибудь еще».

– «*Межьюун ауюун!*» – испуганно прохрипел мне вслед перепуганный купец.

Выйдя из лавки, мы двинулись дальше по базару. В сгущающихся сумерках поток покупателей уменьшился, но не прекратился, и важно вышагивающая базарная стража, облаченная в какие-то полотняные доспехи с нашитыми на них стальными бляхами, зажигала все больше и больше факелов, багряным, мечущимся светом разгонявших полутьму огромной площади, на которой располагалось множество навесов, палаток, фургонов и шатров, среди которых кипело, говорило, смеялось, кричало и торговалось огромное стадо покупателей. Проходя по краю базара, занимавшего огромную площадь и несколько прилегающих к ней улиц, мы видели верблюдов – высоких одnogорбых и плотных, коренастых двугорбых; высоких, статных земнопони, ростом не уступающих принцессам и говорящих на неизвестном мне гортанном языке; видели обычных, эквестрийских пони, облаченных в нелепо выглядывшие на них цветастые халаты и приценявшихся к выложенным на прилавках горам фруктов. *«Кажется, вести разносятся быстрее ветра, и кое-кто решил немного заработать на панике от сорвавшихся торговых сделок»* – думала я, краем уха слыша речь соотечественников, пытавшихся выяснить, как много фруктов может загрузить в их корабль торговец, надменно глядевший сверху вниз на заискивающе улыбающихся покупателей. Я даже не повернула голову в их сторону, предоставив глупо разряженной группе соотечественников самим разбираться с собственными проблемами, ведь купцами, торговцами и бизнесменами становятся не сразу и не просто так, а лишь набив немало шишек и на собственном опыте найдя свою стезю в этом нелегком деле. *«Да и о своих же производителях стоит подумать. Вон как Эпплджек и Кэррот Топ бьются на своих фермах, производя яблоки и морковь, поэтому нехрен облегчать труд тем, кто явно конкурирует с ними в нише пищевой промышленности. «Поддержи отечественного производителя, блеадь!», как говорили в мое время»*.

– «Нас отшили уже из трех лавок, а ты все улыбаешься?» – удивился Хай, глядя на мою ухмыляющуюся мордашку – «Опять задумала что-то гадкое, командир?».

– «Да нет, просто воспоминания» – продолжила давить лыбу я, представляя себе собственный портрет с угрожающе поднятой передней ногой, сквернословно призывающий к чему-то доброму, вечному, и безусловно, очень патриотичному – «И почему это как только я прихожу в хорошее настроение, все вокруг, как сговорившись, начинают подозревать меня в чем-то нехорошем, а?».

– «Наверное, потому что эти пони хорошо тебя знают, кентурион» – расхохотался Буш.

⁸ Буюрулду – «приказано», письменное распоряжение верблюжьих властей, называвшееся так по последнему слову таких документов.

Двигающийся в каре легионеров, своими боками закрывавших сумки с золотом, легионер явно скучал и с надеждой оглядывался вокруг, словно в надежде на то, что найдется хоть кто-нибудь настолько тупой, чтобы попробовать пощупать мешки матерого, недобро выглядевшего пегаса – «Теперь вот и верблюды тоже...».

– «Издеваетесь? Ну-ну» – обиженно буркнула я под негромкий смех своих легионеров – «И откуда я вас таких наш...».

– «Что случилось, командир?» – насторожился Хай, в мгновение ока оказываясь рядом и чуть впереди меня, прикрывая мою лишенную доспеха тушку от возможной опасности – «Что-то нехорошее или ты привидение увидела?».

Запнувшись на полуслове, я резко остановилась и вот уже несколько минут остановившимся взглядом смотрела прямо перед собой. Недалеко от нас, из освещенного неровным светом факелов базарного переулочка, вышло несколько невысоких, ростом с обычного пони фигур и не торопясь, пошли навстречу нам. По мере их приближения, я видела, как рисунок на их шкурах превращается в черно-белые полосы, казалось, служащие продолжением таких же полосатых, черно-белых грив, короткими и длинными ирокезами возвышавшихся над головами пришельцев. Зебры, а это несомненно были зебры, шли легким, невесомым шагом, словно не замечая тяжести носилок, лежавших на спинах двигающегося нам навстречу десятка полосатых лошадок. Занавеси из шкур скрывали содержимое носилок, но я прямо-таки чувствовала, что за ними кто-то есть.

Кто-то, так же обративший на меня свое внимание, и теперь очень пристально наблюдавший за мной.

Интуиция меня не подвела – за десяток шагов до нашей, застывшей на дороге, группы зебры резко, будто по какой-то неслышной для нас команде, остановились. Пятнистые шкуры носилок распахнулись, и мои глаза встретились с такими же как у меня, миндалевидными, но ярко-зелеными глазами зебры, сидящей на ворохе мехов. Не двигаясь, мы молча смотрели друг на друга и я чувствовала, как зеленые глаза обшаривают мою фигурку от кончиков закованных в металл копыт до выбившейся из-под полупрозрачного платка гривы. Подтянувшиеся базарные стражники что-то гортанно прокричали, и двинулись в нашу сторону, освещая свой путь ярко пылавшими факелами, укрепленными на их спинах. Мерцающий свет мешал, лез мне в глаза, и я инстинктивно тряхнула головой, отбрасывая с глаз мешающие, болтающиеся перед ними косички.

Черно-белые, словно у зебр, косички.

– «Гханима!» – оторопело прохрипела зебра, испуганно отшатываясь от меня вглубь носилок, когда свет факелов ярко осветил мою застывшую в недоумении и ярости фигурку – «Стуур! Виньегер!». Шкуры упали на свое место, плотно закрывая кабину носилок, и подобравшиеся зебры быстро засеменили прочь, опасливо поглядывая на наш отряд, все так же неподвижно стоявший вокруг моей замершей фигурки.

– «Командир, в чем дело?» – настороженно прошептал Хай, наклоняясь ко мне и с недоумением разглядывая мою искаженную, тяжело сопящую мордочку – «Так, а ну-ка, давайте за мной, ребята!».

Видя, что инцидента не произошло, вооруженные длинными копьями верблюды отошли, впрочем, все так же внимательно и недоверчиво поглядывая в нашу сторону. Я не сопротивлялась и позволила себя вести, бездумно глядя в пространство невидящим

взором, пока, наконец, не вздрогнула от резкого толчка в плечо. Оглянувшись, я обнаружила себя стоявшей в ярко освещенной лавке; десятки таких вот лавочек, которые мне очень хотелось назвать магазинами, были разбросаны по всему базару. Занимая небольшие помещения на первых этажах окружающих базар домов, они выглядели гораздо привлекательнее и респектабельнее открытых навесов, предоставляя своим покупателям тень, отсутствие пыли, а главное – приватность. Эта лавка не была исключением, и я почувствовала, как скрутившее меня напряжение отступает при виде этого уютного помещения, огромное окно которого было забрано деревянной сеткой со сложным повторяющимся орнаментом, не позволявший четко рассмотреть находившихся внутри. Единственный масляный светильник, распространяющий вокруг себя обязательный аромат какой-то травы, освещал длинные полки, поверхность которых была плотно уставлена небольшими, в треть настоящей величины, бюстами верблюдов, единорогов и в паре мест – даже стилизованными головами алмазных псов. Хотя я никогда не видела этих мрачных, недружелюбных хищников, обитавших небольшими колониями в отдаленных горах и карьерах по всей Эквестрии, я предположила, что это были именно они – вряд ли владелец этой лавки вздумал бы изготавливать украшения для обыкновенных собак или волков. И на каждом бюсте, на каждом манекене головы или копыта – везде вокруг нас сияло золото. Золото и драгоценные камни сверкали и переливались, а слегка покачивающийся свет, выбивавшийся из-под темно-бардового абажура, заставлял их разбрасывать вокруг себя фонтаны ярких, сверкающих брызг, веселыми зайчиками покалывавших мои глаза.

– «Командир, что там случилось?» – вновь спросил Хай, требовательно заглядывавший мне в глаза. Вздрогнув, я перевела на него взгляд, и несколько долгих минут, не отрываясь, смотрела сквозь него. Смотрела – и не видела, раз за разом переживая этот момент короткой встречи с... С чем? Что могло меня так напугать и откровенно разозлить? Я не знала ответа на этот вопрос.

– «Я... Я не знаю» – проговорила наконец я, чувствуя, что нужно отвлечься, как-то перебороть свой страх, волнами поднимавшийся в моей душе. Мое дыхание вновь участилось, сердце начало колотиться с бешеной скоростью, практически выпрыгивая из горла, лишь стоило мне только вспомнить этот бешеный, но в то же время растерянный, а затем ставший откровенно испуганным взгляд раскосых зеленых глаз. Словно сквозь толстую подушку я слышала обеспокоенный голос своего опциона, в панике тормозящего мое замершее тельце, и внезапно, все закончилось. Тяжелая, прохладная волна прокатилась по всему моему телу, смывая озноб, панику и успокаивая бешено колотящееся сердце – это дух, вновь проснувшийся в глубине моей души, пришел ко мне на помощь. Каким образом он делал это – я не знаю, но его эмоции, передаваемые мне ощущения спокойствия, заинтересованности и снисходительной, но доброй ласки немного успокоили меня, дав возможность с трудом, но выбросить из головы плотно укоренившийся в ней образ зеленых глаз. Подняв голову, я уткнулась лбом в стальные полосы на груди Буша и неподвижно стояла, пока Хай, прекратив меня трясти, терпеливо стоял рядом, укрывая своим крылом мою мелко подрагивавшую тушку.

– «Я не знаю, что это было» – прошептала я – «Но когда я увидела этих зебр...».

– «Да тебя натурально заколотило, когда ты их увидела!» – по-прежнему озабоченно

произнес соломенношкурый пегас – «И глаза... Я думаю, теперь я понимаю этого торговца, едва не обгадившегося в своей лавке. Такие глаза у тебя были и тогда, в Обители, когда чуть не погибла...».

– «Погоди, та зебра, на носилках, она как-то назвала нашего кентуриона! Может, это было какое-то заклятье?» – перебил его Буш – «А может, все дело в той крепости на болотах? Я слышал, что там были зебры-тюремщики. Может, это из-за них она...».

– «Все в порядке!» – резко сказала я, отстраняясь от своих подчиненных – «Спасибо, ребята. Не знаю, что со мной там случилось, но я была бы благодарна, если бы это осталось в секрете. Нехорошо, когда командир начинает страдать приступами паники – это может плохо отразиться на всех нас».

– «Как скажешь, Скраппи» – пожал плечами Хай – «Давай теперь приведем тебя в порядок, а то вон как твой платок перекошило...».

– «Йа думаю, *бийче* сама справится со своими дэлами, *васли*⁹!» – раздался позади нас твердый, с гортанным акцентом голос. Из глубины лавки на свет выплыла дородная фигура одногорбого верблюда, закутанная в темно-бардовую парчу объемного халата, и я на секунду залюбовалась переливами золотых нитей, вплетенных в тяжелую ткань его богатого одеяния – «Слуги должны знат свое мэсто и не прикасаться к гаспаже!».

«Ух ты, какой халатик... Стоп. Ну вот, не успела попасть на юг, как тут же стала жадной, как дракон!».

– «Не беспокойтесь, уважаемый» – немного успокоившись, невнятно проговорила я, срывая с себя перекосившийся платок и по новой наматывая его на голову и мордочку – «Это не слуга, а друг и соратник. Я думаю, вы знаете, что это такое?».

– «Да, гаспажа» – склонил голову верблюд – «Йа не хотел вас обидеть, мои тарагие гости. Чем может лавка доброго Сухмина айль-Фузуша прельстить вас в этот вечерний час?».

– «Мы оказались здесь случайно, уважаемый» – спокойно ответил Хай, видя по моей ехидно скривившейся под платком мордочке, что я не собираюсь вмешиваться и объяснять, с чего бы это вдруг мой опцион притащил своего командира в непонятную, и явно очень дорогую лавку – «Просто зашли, услышав на базаре какой-то шум. Мы не будем обременять вас своим присутствием».

– «Вместе с гостем в лавку входит и Всеединый, эсли гость пришел с добром» – покрутил в ответ шеей верблюд. Похоже, этот жест означал у дромадов что-то вроде пожатия плечами – «А что же насчет шума... Да, давно на этом пазаре не случалось ничего серьезнее кражи кошель, вот местные *васли* и обленились. Надо же – *хеймер альуаш* что-то не поделили с пони! Да, нэисповедим путь Всеединого...».

– «Это... Это зебры?».

– «Канэшно, гаспажа. Полосатые пони. Раньше они магли пэресеч границу благословленной Камелу лишь в ашейниках или клетках рабов, а теперь их царьки разэзжают по нашим городам, словно по своэй саванне!» – презрительно фыркнул торговец, доверительно наклоняясь к нам – «Но таков приказ шехрияра¹⁰, да встретит его Всеединый и приветствует, потому – мы подчиняемся. Но нэ стоит говорить о грустных

⁹ Васли – страж, охранник.

¹⁰ Шехрияр — «владыка».

вещах. Мнэ по нраву ваше отношение к этим полосатым, поэтому йа готов предложить тебе, *бийче*, лучшее, что может предложить эта скромная лавка».

– «О, вы прибедняетесь, почтенный айль-Фузуш, ваша лавка лучшая из всех, что встретились нам сегодня на этом базаре» – мне все-таки удалось немного успокоиться, прислушиваясь к твердому, практически правильному выговору этого дромада, и я вновь вспомнила о делах, приведших нас в это место – «Но поведайте же бедной, усталой пони – торгуете ли вы столь прекрасными вещами за золотые монеты из далекой земли, называемые нами «биты», или мы растрачиваем понапрасну ваше драгоценное время, разглядывая эти драгоценности?».

– «Ах, ты говоришь так красиво, *бийче* – гораздо лучше, чем все ваши соотечественники, и моим ушам приятно слышать твой голос» – склонил в поклоне голову верблюд – «Но увы – ни я, ни кто-либо другой нэ будет торговать с вами за эти монеты».

– «Вообще? Но почему?».

– «Таков приказ шехрияра, да встретит его Всеединый и приветствует, потому – мы подчиняемся» – вновь отмазался от меня дежурной, крайне религиозной фразой торговец, кивая облаченной в огромный, белоснежный тюрбан головой. Накрученный из длинной, белоснежной ткани, он плотно охватывал его голову и шею, оставляя открытой лишь курносую морду, грустно глядевшую на меня из-за прилавка – «Нэ так давно, шехрияр, да встретит его Всеединый и приветствует, издал *фирман*, которым повелэл *мутесибахтам* всэх наших городов, надзирающим за купцами и рэмеленниками, облагать двойной пеней всэх, торгующих заморским златом. И с прискорбием взираем мы на ретивую исполнительность местного *кади*, поставленного судить детей Всеединого, ибо он не ведаэт жалости к детям Его. И тепэрь, все деньги проходят через алчных, аки пустынные псы, менял, обирающих своих клиэнтов словно нищие – выросшую на воле смоковницу».

– «Жаль, очень жаль» – непритворно огорчилась я, уже приглядев себе четверку ножных браслетов, приветливо подмигивающих мне драгоценными камнями с одной из полок за спиной купца – «Но я рада, что смогла познакомиться с таким...».

Окончить свою мысль я не успела – распахнувшаяся дверь с треском отскочила от каменной стены, и в лавку вошел дромад. Не слишком высокий, он в то же время не был так худ или безобразно полон, как остальные представители отряда мозолоногих, обитающие в этой пустынной стране – при взгляде на него на ум приходило определение «пышущий молодостью и здоровьем», если я вообще могла разбираться в верблюдах.

«Да уж, я явно не ветеринар, чтобы разбираться в подобного рода вещах» – скептически подумала я, в то время как Хай и Буш вышли вперед, по устоявшейся за несколько дней привычке прикрывая меня своими телами – «Эй, а эти куда ломанулись? А как же постулат о том, что командир всегда должен быть впереди?».

Но похоже, никто не собирался выслушивать мои соображения по этому поводу – ворвавшийся в лавку дромад был вооружен и одоспешен. На его теле красовалась искусно сплетенная кольчуга с нашитыми на ней большими, круглыми бляхами, закрывавшая спину и шею молодого воителя, а в ножнах на ноге красовалась большая, изогнутая сабля, кончиком ножен упиравшаяся в пол лавки. Мои глаза мгновенно прикипели к необычной, сплюсненной рукояти, своей формой напоминавшей лепесток цветка и снабженной выемками возле крестовины – по-видимому, для зубов, и я

пропустила начало разговора двух верблюдов, но быстро опомнилась, услышав окончание одной из фраз, явно произнесенной на эквестрийском.

– «... в моей лавке находится гостья, поэтому я прошу тебя говорить на общем для наших стран языке».

– «Гостия? Вот эта поны?» – не поверил молодой верблюд, с любопытством глядя на меня. Я нахмурилась и отпихнула в сторону Хая, глядя на искажившуюся в пренебрежительной гримасе морду молодого дромада – «Я удивлен, что в такой респектабельной лавке ходит всякий *шармута*...».

На беду молодого верблюда, я уже знала, что означает это слово.

«Снег. Мороз. Лютая боль в промежности и копыта ярко-красной кобылы, яростно мелькающие перед моей мордой».

Хлопнув крыльями, я взвилась к потолку, едва не задев огромными крыльями за стены лавки, и оттуда, камнем упала на голову отшатнувшегося от меня верблюда. Явно не ожидая подобного поворота дел, он все же попытался отпрыгнуть и почти в этом преуспел, но... Но он явно был больше меня, и ограниченное пространство лавки сыграло с ним злую шутку, когда я с каким-то глухим, утробным рычанием спланировала сверху на шею дромада, изо всех сил отоваривая его в полете своим стальным наручем.

– «*Дэллюана!*» – выкрикнул верблюд, изо всех сил пытаясь стянуть меня со своей шеи, пока я четко, планомерно наносила удар за ударом по его голове, прикрытой мягким белым тюрбаном – «*Убирайся, еззгую макхлюок!*».

Наконец, ему удалось отцепить меня от своей шеи. Перелетев через лохматую голову с растрепавшимися полосками ткани, я зависла перед самой мордой молодого верблюда, удерживаемая на весу оказавшимися неожиданно сильными ногами. Слегка повернув голову, я увидела Хая и Буша, отбивавших ломящихся в лавку еще трех вооруженных верблюдов, в то время как за решетчатым окном кипела какая-то возня, сопровождающаяся криками и грохотом стали о сталь.

Отвлекаясь на своих бойцов, я пропустила момент, когда правая нога держащего меня верблюда исчезла – и в тот же момент, моя голова мотнулась назад от сильного удара, пришедшегося прямо по моей щеке и воспламенившего сотни звезд, с каким-то подозрительным чириканьем крутившихся в моих глазах. Однако даже отлетая в сторону, оглушенная мощной оплеухой, я смогла дотянуться до своего обидчика, и изо всех сил выбросила перед собой задние ноги.

– «*МААХТ!*» – раздался надо мной пронзительный голос. Отлетев в сторону, я врезалась спиной в какую-то жесткую, деревянную поверхность, на поверку оказавшуюся прилавком и со стоном прижала копыто к голове. Моему противнику, находящемуся недалеко от меня, пришлось не лучше – верблюд сел задницей во всем своем доспехе на жесткий пол и теперь прижимал к своей морде мозолистую ногу, по которой сбегала тонкая струйка крови.

– «*МААХТ! ПРЕКРАТИТЬ!*» – поднимаясь с подушек, рявкнул хозяин лавки, и от его голоса, вмиг потерявшего всю свою расслабленность, потасовка довольно быстро улеглась. Пони и верблюды неожиданно быстро подчинились этому властному, хоть и

очень немелодичному реву, и подняв голову, я заметила Хая и Буша, по-прежнему стоявших в дверях, хотя и в довольно потрепанном виде. На обоих легионерах отсутствовали шлемы, а за их широкими спинами уже маячили решительные морды базарной стражи с короткими клинками, зажатыми в слюнявых ртах.

«Ну почему все обязательно лупят меня по голове?» – жалобно застонав, подумала я и осторожно, словно древняя старушка, вновь поднялась на все четыре ноги. Сидевший в углу верблюд решил не отставать, и тоже поднялся на ноги, правда, пошатываясь вместе с комнатой вокруг него.

– «Прекрати шатать лавку, негодяй...» – прохрипела я, грозно шагнув вперед – и упала, уткнувшись носом в стальную сетку кольчуги, повиснув на шее своего недавнего противника. Уже открывший пасть дромад только удивленно хрюкнул, и снова сел на пол, непонимающе глядя на мою тушку, висевшую на его груди в обнимку с длинной шеей. Зажмурив глаза, я познавала все прелести ощущения, когда твои ноги то взлетают куда-то вверх, под потолок, чтобы там, совершив переворот, вновь устремиться вниз, к жесткому полу, колышущемуся, словно палуба в лютый шторм. В конце концов, я решила тихонько полежать, схватившись за что-то длинное, лохматое, топорщившееся какой-то жесткой металлической сеткой... Но самое главное – неподвижное.

«Главное – не сблевать. Главное – не сблевать. Главное... Ну вот, бля!».

– «С тобой все хорошо, бийче?» – участливо спросил меня чей-то голос.

– «Буэээээээ!» – кажется, вырвавшийся из меня вместе с выпитым с утра чаем стон был настолько красноречив, что дальнейших объяснений не потребовалось, и я почувствовала, как чьи-то здоровенные ноги поднимают меня с пола, чтобы спустя несколько секунд, я оказалась на мягких, пахнущих пряностями и потом подушках. Распластавшись на мягкой горке, я долго лежала, закрыв глаза, наслаждаясь неподвижностью находящегося где-то подо мной пола и ощущением неуклюжей заботы, с которой Хай поглаживал мое крыло, стоя рядышком со мной.

– «Чито я вижу? Потомки древнего, знатного рода измелчались настолко, что воют с верблюдицами и пони? Да еще и с гостэм в моэм домэ? Ти винават, очен винават пэрэда мной, мой малчег!» – донесся недалеко от нас голос айль-Фузуша, похоже, тиранившего молодого верблюда. Придя в себя настолко, чтобы открыть глаза без риска вновь поразить мир содержимым собственного желудка, я повела глазами по сторонам и обнаружила, что лежу на груди здоровенных, вышитых бисером подушек, наваленных прямо на поверхность прилавка. Вокруг меня собрались не только мои опционы, составляющие большую часть отряда, но и пара странных, незнакомых мне верблюдов, стоявших рядом с молодым дромадом, с которым мы уже имели честь сцепиться этим вечером. И вся эта толпа с удивлением тарасилась на мою распластавшуюся тушку, прикрытую лишь белой, хоть и порядком помятой попоной. Не считать же полупрозрачный, накрученный под ней желтый шелк надежным прикрытием от жадных взглядов, кидаемых этими мозолоногими на видневшиеся им ноги, правда?

– «Ты в порядке, командир?» – озабоченно спросил меня Хай, стоявший возле изголовья этой импровизированной лежанки.

– «Мне кажется, этот вопрос и выражение на морде очень скоро войдут у тебя в привычку» – негромко проговорила я, страдальчески сморщившись от ощущения

унижения и позора – «Нет, Хай, ты определенно был прав насчет больницы. Нехрен было выпендриваться после того падения...».

– «Тихо, тихо. Я знаю» – кивнул опцион.

– «Но уйду я отсюда на своих четырех. Это не обсуждается» – пошевелившись, я решила приподняться и сесть, зажмурившись от вновь накатившей дурноты – «Прошу прощения, почтеннейший Сухмин айль-Фузуш, – видят богини, я не хотела, чтобы все произошло именно так, но обстоятельства были выше меня, ведь меня уже пытались назвать *этим* словом...».

– «О, это мне пристало каяться, Скраппи-ханым» – склонился передо мной дородный купец, подошедший к прилавку вместе со своим гостем – «Вед это в моем домэ вас пыталис оскорбить. Клянус тебе Всеединым, все произошло совершенно непреднамеренно, ибо молодост глупа и вспыльчива, подобная слепому урагану, сметающему все на своем пути, пока тот не достигает скал, о которые разбивается в прах. В попытке загладить свою вину, я хочу сделать вам какой-нибудь подарок из тех сокровищ, что лежат на моих полках. Выбирай, я прошу!».

– «Благодарю тебя, айль-Фузуш, но... Но ты слишком щедр, и мое деяние не заслуживает подобной доброты. Мне стыдно, и я могу просить тебя лишь об одном – чтобы это происшествие не просочилось наружу. Мне бы не хотелось ходить по улицам славной Надиры, чувствуя на себе осуждающие взгляды толпы».

– «Базар большой» – задумчиво помотал шеей айль-Фузуш – «Кто знает, что произойдет завтра, когда вновь поднимется Седой Старик, выжигая зэмлю Всеединого?».

– «Я поняла» – слабо улыбнулась я – «Но все же благодарю за то, что вы честны со мной и не стали убеждать в том, что совершить не в ваших силах, айль-Фузуш. Я горжусь тем, что приехав сюда, я смогла познакомиться со столь достойным представителем вашего народа».

– «Погоды, *бийче!*» – стоявший до этого молча, молодой верблюд поднялся и подошел ко мне, перекрывая выход из лавки. На его морде отчетливо красовались полукруглые синяки, подозрительно напоминавшие следы чьих-то копыт, губа и бровь были разбиты и запеклись корочками свернувшейся крови. Дотронувшись до своей разбитой морды, он криво ухмыльнулся, показав длинные, желтые передние зубы – «Прасты меня! Тэпер я вижу, чито ты *настоящая фэтеат*¹¹, не *шармута* – но *хавра*, и йа прощу тэбя о прощении, вэд я паступыл недастойно».

– «Мы оба погорячились» – криво усмехнулась я, ощупывая наливающийся под шкуркой на челюсти синяк и стараясь не двигать головой – «Но зато и познакомились, многое узнав друг о друге. Например, о твоём ударе правой передней».

– «Ну, твои ноги тожи ниабичайно силны и красивы, *бийче*, а уж удар имы проста вышибает из верблюдав дух!» – оскалился в ответ дромад, просто расцветая от моего ответа – «Мое имя Угмар айль-Хаткан из рода Хатканидов. Я самый известный багадыр в этой части Камэлу, и я буду неабичайна щаслив назват тэбя сваэй сэстрой, Хавра».

– «Почту за честь» – не удержавшись, кивнула я, но тут же ощутила всю опрометчивость данного решения и оперлась о бок вовремя подошедшего ко мне Хая, как-то пропустив

¹¹ Фэтеат (вербл) – молодая, красивая верблюдица.

мимо ушей очередное верблюжье обзывательство – «Ладно, подрались, помирились, осталось только выпить – и на бочок. Ну, я пошла?».

– «Прощай» – поклонились мне вслед оба верблюда – «Да нэ оставит тебя Всеединый, *Хавра*».

«Ну вот, не успела переступить порог – как опять обозвали».

Кажется, собирался дождь. Вечернее небо, еще хранящее на себе отблески заката, стремительно заволакивало темными тучами, заставляя верблюжье население Надиры выходить из домов и удивленно переговариваясь друг с другом, таращиться на это удивительное событие в мире солнца и песка.

«Гханима. Взятый в бою трофей, который не используется по прямому назначению. Вроде могущественного амулета, приспособленного под упор для двери или рукояти меча, висящей вместо грузика на часах. Но откуда я знаю про это?» – напряженно думала я, неторопливо трусая в середине колонны легионеров. Несмотря на все мои возражения, Хай отказался подчиняться моим приказам и задвинул меня в середину, под прикрытие двух дюжих земнопони и одного крайне уголовного вида пегаса. Буш, в отличие от остальных легионеров, схлестнувшись с друзьями «багадыра», пребывал в приподнятом настроении и довольно щерился на окружающий его мир щербатой пастью.

– «Ты словно выискиваешь, кому бы еще дать в морду» – обвинила я его, устав смотреть на светящуюся довольством морду подчиненного, в отличие от которого, я пребывала в весьма растрепанных после всего произошедшего чувствах, и явно искала способ отвлечься от гнетущих, вызывающих у меня подсознательное чувство паники, мыслях о полосатых созданиях, вдобавок, откуда-то знающих лично меня.

– «Ну еще бы» – еще шире ухмыльнулся бежевый пегас, весело потряхнув пшеничного цвета гривой. Вместо обиды на мое замечание он вновь ощерился, глядя на меня с просто-таки отеческой нежностью – «Эх, кентурион, знала бы ты, как я скучал по всему этому навозу! В Гвардии было вообще не развернуться, а с тобой, я чувую, мы наворотим дел!».

– «Что, все было так плохо?» – помимо своей воли, заинтересовалась я. Дорога, шедшая по границе богатого и бедного районов Надиры, была скучна и лишь редкие прохожие хоть как-то подогревали мой интерес не давая уснуть прямо на ходу – «Вроде бы Гвардию любят и уважают».

– «Ага. А за что? Во время моей службы нас разве что печенье разносить не заставляли, словно кобылок-скаутов, но чувую, до этого явно было недалеко! Разве иногда что-нибудь интересное случится, вроде наводнения, урагана или нашествия диких зверей из Вечнодикого, а в остальное время – скука лунная. А подраться я и вправду любил, этого не отнять. У нас на севере, все было жестко. В приграничных землях живут и пони, и грифоны, а у пернатых кошек обычаи жесткие. Вот и схватывались частенько, хоть и не на смерть, конечно, а чтобы силу и ловкость свою показать. Вот там-то я и привык сначала бить в темечко, а потом уж интересоваться, чего от меня хотят. Однажды меня даже в

реабилитационный центр отправить хотели!».

– «Тебя?» – я покосилась на подтянутую, мускулистую фигуру пегаса с лохматой мордой, на которой красовалось несколько едва заметных под шерстью, белесых шрамов – «Ню-ню. Центр устоял, или пришлось новый строить?».

– «Да я его даже и не видел. Просто взял – да и упорхнул из Гвардии. Подписал необходимые бумаги, получил причитающиеся биты, и...».

– «А почему не отправился назад, в пограничье? Принцесса говорила, что там сейчас жарко».

– «Жарко? Был я там, кентурион! Там сейчас Гвардия всем заправляет, хотя делает это из ног вон плохо. К их командующему приставили какую-то шишку из Палаты Общин, и знаешь, до чего додумались эти придурки из Кантерлота? Они запретили местным вступать в конфронтацию с грифонами, прилетающими грабить их фермы и дома! Мол, «это может спровоцировать немотивированное насилие и эскалацию конфликта», прикинь! Меня даже пару раз задерживали за то, что несколькими подозрительным личностям клюв на бок свернул. Правда, потом отпускали по старой памяти, хотя в последний раз ЭлТи¹² меня предупредил, чтобы я больше не попадался, иначе отправлюсь прямиком в тюрьму, ломать камни в карьере, раз силу и мозги некуда девать. В общем, как только до меня дошел слух о новом подразделении, открыто игнорирующем благословленные Богиней «социальные задачи» Ее Гвардии – так сразу же и сделал крылья из погодного патруля к вам. Ну и твоя речь в Палате Общин, которую все газеты месяц смаковали, не оставила равнодушным».

– «Не напоминай, ладно?» – простила я – «Ну почему никто не помнит обо мне ничего хорошего, а?».

– «Так мы и вспоминаем самое хорошее и доброе, кентурион!» – делано возмутился Буши Тейл под смех окружавших нас легионеров – «Только самое доброе, Раг!».

Я не знаю, что заставило меня взглянуть в ту сторону. По прошествии долгих лет, я так и не поняла, была ли это судьба или какой-то хитрый план моей наставницы и подруги, но даже сейчас я предпочитаю не задумываться о причинах своего поступка, а уж тем более о том, что было бы, если бы я оказалась чуть менее наблюдательной... или везучей.

– «Тпрррруууу!» – рявкнула я, пихая боком рысившего рядом Буша – «Всем стоять!».

– «Что случилось, командир?» – подобравшись, шагнул ко мне Хай – «Опять что-то увидела? Зебры?».

– «Опцион ты что, пытаешься меня подсидеть? Нет? Тогда убери это озабоченное выражение со своей морды!» – зарычала я, пристально глядя в темноту одного из располагавшегося слева от нас переулков, уходящего куда-то вглубь квартала, прочь от ярко освещенных центральных улиц – «Кажется, я видела двух полуголых верблюдов, слишком быстро свинтивших при нашем появлении. И кажется...».

– «Что?».

– «И кажется, они тащили с что-то с собой. В общем, Хай и Буш идут со мной, остальные

¹² Элти (англ. LT) – армейское сокращение звания лейтенанта.

стоят тут, охраняя золото. Максимальная готовность, сигнал – три зеленых свистка!».

– «Вот за это тебя и любят, кентурион!» – с ухмылкой произнес Буш, углубляясь вслед за мной в темноту переулка – «Ты всегда умеешь найти приключения на свой круп».

– «Ага. А еще она всегда очень четко и недвусмысленно выражает свои мысли» – хмыкнул Хай, как всегда, в момент напряжения, начиная обсуждать своего командира, очень быстро создав мгновенно распространившуюся среди моих подчиненных традицию – «Я просто мечтаю услышать когда-нибудь ее лекцию в моем бывшем колледже. Думаю, будущие психологи пачками с ума сходить будут».

«Да где же... Вот только что тут видела... Впрочем, пофигу – пойдем по запаху».

– «Встать!» – сердито нахмурившись, сказала я, останавливаясь возле нескольких особо пахучих куч мусора и тряпья, из-под которых выглядывали длинные, грязные шеи с плешивыми головами – «Подъем, *организмы!*».

Зашевелившись, куча распалась на трех тощих, вонючих верблюдов, кутающихся в грязное, смердящее тряпье. Слегка отодвинувшись друг от друга, они прижались к стене и заунывно, противно заголосили резкими, как рев ишака, голосами.

– «Кентурион, это же просто нищие» – крикнул мне на ухо Хай, стараясь перекрычать заунывные причитания и вопли, вырывавшиеся из вонючих пастей местных дервишей – «Это ж просто... Пойдем отсюда, а?».

– «Не знала, что ты настолько привередлив, Хай» – хмыкнула я, отпихивая ногой наиболее горластую пасть, явно не озонировавшую воздух неподалеку от моей мордочки.

– «Может, мне их маленько потрясти?» – столь же громко осведомился Буш, которого, казалось, абсолютно не смущала разница в размерах верблюдов и среднестатистического пони. Увидев качнувшегося к ним декана, дервиши лишь плотнее прижались к стене и завопили еще громче и пронзительнее. Хуже было то, что из темноты переулка им стали отвечать другие, столь же противные голоса, поэтому я решила закончить этот, ставший уже привычным для меня фарс.

«Что это? Просто тень, или между ними и этой стеной действительно подозрительно много места?».

– «Прочь!» – рыкнула я, распахивая ревущих верблюдов животворящим пинками – «Пошли отсюда *naher*, саксаулы *huevy!*».

Словно по команде, нищие захлопнули пасти и, опасливо косясь на мои блеснувшие в темноте клинки, ползком-ползком, уволоклись куда-то в темноту.

– «Повко!» – оценил произошедшее Буш, убирая копыто с короткого меча, прицепленного к его боку – «Теперь понятно, почему никто не сомневается в твоём праве командовать этой сотней».

– «Ты мне льстишь. Просто у меня богатый опыт общения с этой публикой» – пожала плечами я – «Ну, или не совсем у меня, но... В общем, за тысячи лет бомжи так и остались бомжами. Ничего нового».

«Какая подозрительная куча тряпья. Интересно, что же они тут прятали от таких, как мы? А то, что от пони, нет никакого сомнения, иначе они бы так не старались защитить свое сокровище».

– «Мне помочь?» – спросил Хай, присоединяясь ко мне. Кивнув, я продолжила ворошить грязную кучу тряпок, отбрасывая в сторону куски какого-то мусора. Несмотря на

отвратительный запах, мое сердце стучало все чаще и чаще, словно я знала о том, *что именно* я должна была отыскать в этой куче навоза.

«Иногда и в куче навоза можно найти жемчужину. Главное – не проглядеть».

– «Ах ты ж конский редис!» – ошарашено выдохнули легионеры, когда из очередного мотка заплесневелой материи показалось неподвижное, грязно-серое крыло. Стоило лишь мне потянуть за него, как из глубины кучи послышался тихий, захлебывающийся плач. Мое сердце сделало кульбит и рухнуло куда-то в желудок.

– «Быстро! Быстро и аккуратно!» – скомандовала я. Мне очень не понравилась патологическая подвижность пегасьего крыла, лежащего в странно вывернутом положении и демонстрировавшего мне грязные, скомканные пуховые перья своей внутренней поверхности – «Давайте мечами!».

– «Не стоит, командир. Мы рискуем вспороть не то, что нужно в этой темноте» – хладнокровно отозвался опцион, с удвоенной энергией копаясь в тряпье – «Стонет – значит, дышит, а следовательно, жив наш сородич. Мы и копытами поработаем».

– «Эй, это моя фраза, умник!» – фыркнула я, движением рычажка заправляя клинки обратно в понож. Однако он был прав, и мне нужно было держать себя как кентурион. Вот что со мной делает отсутствие брони!

– «Кажется, нашли» – пробормотал мой опцион, в то время как Буш нахмурился и встал, глядя в глубину темного переулка, из которого уже доносились осторожные шаги мозолистых ног – «Эй, да это же пегаска!».

– «Кентурион, у нас проблемы» – прогудел декан, зубами вынимая из ножен свой клинок – «Иф там пять или фефть. Фоохушены и нафтхоены рефительно».

– «Помоги ему!» – приказала я опциону, осторожно снимая последние куски рванины с сереющего в полутьме переулка тела. Передо мной, дрожа от тихого плача, лежала грязная, серая пегаска, уткнувшая голову в обшарпанную глиняную стену. Ее крылья безжизненно раскинулись, причем одно из них вывернулось едва ли не наизнанку, и по неестественным утолщениям у их оснований, анатомически невозможному углу изгиба суставов и костей я поняла, что случилось самая страшная вещь, которая только могла произойти с крылатой лошадкой этого мира.

«Сломаны, причем в нескольких местах».

– «Не надо... Пожалуйста...» – не открывая глаз, бормотала она, сотрясаясь от тихого плача – «Что угодно... Только не надо...».

Лежащее передо мной тело было настолько грязным, что я не могла рассмотреть метку на тощем, костлявом крупе и хотя глаза говорили мне одно, сердце, *сердце* шептало мне совсем другое.

«Это вновь ты, мой старый друг? Ты тоже думаешь, что это она?».

– «Черри?» – тихо позвала я, сначала осторожно, а затем уже изо всех сил тормоша лежащее передо мной тело – «Черри, открой глаза, слышишь?».

К счастью, большего не потребовалось. Медленно повернув голову, кобылка открыла глаза, посмотрев на меня с каким-то ужасом и поразившей меня надеждой.

– «К-кто... Это сн-нова бред?».

Где-то над нами, в вышине ночного неба, негромко, но очень угрожающе, пророкотал гром. Пыль, взметнувшаяся над переулком, миллионами колючих песчинок уколола мою

шкурку.

– «Не узнаешь своего командира, легионер?» – как можно добрее усмехнулась я, аккуратно возвращая крылья застонавшей пегаски на их законное место – «Забыла, чему нас учили в Обители?».

Кобылка долго не отвечала, но вскоре ужас стал уходить с ее мордочки, сменяясь яростной, неистовой надеждой, читавшейся в сверкнувших слезами глазах.

– «Зачет – по последнему...» – едва слышно прошептала она, и зашебуршилась, задержалась в куче рваного тряпья, давясь диким воем и пытаясь подползти ко мне, схватить, обнять – **«Ск-краппи! СКРЫЫАППИИИИИИИИИИ!»**.

– «Это я, я, глупая!» – шептала я, держа в объятьях содрогающееся, горевшее огнем тельце, но Черри уже не слышала моих слов, стискивая меня все крепче и крепче, словно боясь, что я исчезну, как сон, вновь оставив ее одну в этой куче отвратительного тряпья. Внезапно лежащее в моих копытах тело напряглось – и начало неистово выворачиваться, запрокидывая голову, молотя по мостовой сведенными судорогой ногами, зайдясь в некрасивом, но столь знакомом мне судорожном припадке. Крепко держа дергающуюся, орошающую мочой тряпки Черри, я не препятствовала судорожным подергиваниям ее ног и следя лишь за тем, чтобы ее голова все так же оставалась в моих копытах, не стуча по грязной земле.

Ветер усиливался и вскоре, первые капли редкого, практически незаметного дождя, упали на мою голову.

– «Команвир, нувно ухотить!» – прохрипел Хай, оказываясь рядом со мной. Поднимаясь на дыбы, соломенношкурый пегас раз за разом обрушивал на топчущихся перед нами врагов зажатый в зубах меч – «Иф там фтало говаздо больфе!».

– «На крыло!» – решение пришло мгновенно – «Берем Черри и...».

Помощь пришла неожиданно и оттуда, откуда ее никто не ждал – с темных небес. Впервые я увидела стражей в деле, и открывшееся мне зрелище на мгновение наполнило меня жгучей завистью к своим бывшим коллегам, ибо они были просто превосходны.

Темные фигуры были везде – и нигде. Обрывки ночной темноты выныривали из сумрака в пространство переулка, подсвеченного косыми, раздробленными лучами света закрытых резными деревянными решетками окон, и вновь исчезали в тенях. Бросаясь на противостоящих нам врагов, они наносили быстрые, хлесткие удары двумя, а то и сразу четырьмя копытами – и вновь исчезали из виду. Беззвучные взмахи кожистых мышинных крыльев не выдавали их врагам до самого последнего момента, когда на кучку сбившихся и ошетинившимися какими-то кривыми, взблескивающими в недобром свете масляных светильников кинжалами, падала очередная, казавшаяся ранее безобидной тень. Почувствовав поддержку, мы тоже не остались в долгу, и уже через несколько секунд совместных усилий, мои подчиненные украсили переулок тройкой стонущих, отползавших в сторону тел, зажимавших нанесенные им нашими мечами раны.

– «Поднажмем!» – зарычала я, откатывая закончившую биться Черри к стене и вскакивая на спину крикнувшего от неожиданности Хая. Моя нога метнулась вперед, со звоном

отбивая летевший в его голову кинжал, и я вновь спряталась назад, за широкую спину одоспешенного подчиненного.

«Да, соваться под такое без доспеха – не самая лучшая идея. Это ж не кинжал, а целый меч!».

– «Парочку нужно взять живыми!».

Однако у наших мышекрылых помощников были совсем другие планы. Кружащиеся вокруг все уменьшающейся и уменьшающейся группы врагов тени, шипя и нанося глухие удары, погнались кричащих от страха верблюдов прочь, в темноту переулка. А в это время самая большая и грозная часть темноты, до того выхватывавшая из группы противостоявших нам верблюдов сразу по паре врагов, внезапно сделала неслышный, но от этого не менее захватывающий кульбит – и с глухим стуком ударивших по земле накопытников приземлилась позади нас. Прямо между нами и серой пегаской.

– «Ухходите» – прошипел страж гулким, потусторонним голосом – «Она не про васс!».

– «Мы не бросим нашу соотечественницу в беде, серый!» – нахраписто произнес Буш, просто бурля адреналином и еще не отойдя от неожиданной схватки. Вложив меч в ножны, что получилось у него далеко не сразу, он мотнул головой и смело направился к сверкавшей жуткими глазами тени, замершей над едва видимым в темноте телом – «Лети, кобыл пугай по подворотням, понял? А это тебе чтоб быстрее летелось!».

Размахнувшись, он резко подпрыгнул, помогая себе быстрым взмахом крыльев, и...

И медленно, неторопливо упал, отлетев назад и проехавшись спиной аж до другого края истоптанной дороги, закончив свой путь у грязной, заплыванной стены. Огромный, казавшийся еще больше в неясном свете из окон, страж лишь прянул в сторону – и быстрым, почти неразличимым ударом отправил декана клацать челюстью на противоположной стороне переулка. Мой предупреждающий крик опоздал, унесенный прочь порывом влажного ветра, когда Хай ринулся на своего бывшего коллегу. Не сходя с места, страж пригнулся – размытая тень в темном переулке – и резко подбросил вверх круп, впечатывая копыта задних ног в пролетевшего над ним Хая. Вскрик пегаса заглушил лязг доспехов, и мой верный опцион кубарем улетел куда-то в темноту.

Ну что ж, вот и пришел мой черед.

– «Один готов, еще один остался» – прошипела я, глядя на распрямляющуюся тень и начиная свой разбег – «Всего-то лишняя пуля в стволе!».

Услышав мой голос, страж вздрогнул и резко развернулся в мою сторону, зачем-то вскидывая переднюю ногу. Вблизи он казался еще больше, и между двумя скачками я еще успела подумать о том, что станет со мной, если я нарвалась на Медоу, но уже через мгновение я оказалась рядом с двигавшейся мне навстречу тенью. Он был быстр, но я оказалась чуточку быстрее – двойной прыжок с отскоком от стены, так бесивший добропорядочных лошадок Кантерлота – и мой накопытник звонко ударил мерзавца по шлему, почти расплющив об него лохматое, с рысиной кисточкой, ухо.

Однако скорость не всегда приносит победу.

Темнота, ночь, неяркий свет из фигурных, забранных решетками окон – я находилась в его мире, в его стихии, и даже запыленное биение крыльев, поднявшее тучу ставшей влажной пыли, не смогло мне помочь. С глухим рыком страж перекинул меня через свою голову – и с произвольно вырвавшимся у меня жалобным писком я улетела в кучу

тряпок, упав рядом с приходящей в себя, бессмысленно хлопавшей глазами Черри. Падение, вкупе с уже полученными ранее побоями, вновь заставило мир вокруг меня совершить несколько полных оборотов, пока я смогла сплунуть набежавшую в рот вязкую, густую слюну и прийти в себя настолько, чтобы заметить огромную тень, неумолимо приближавшуюся к нашим фигуркам.

«Ну вот и пиздец. Доигралась, спасательница хренова?».

– «Все равно не сдамся, слышишь?!» – прохрипела я, вскидывая вперед правую ногу и прикрываясь блестящим выдвинутыми клинками поножом от надвигавшейся тени, другой ногой обхватывая тело неподвижно лежащей подруги – «Иди сюда, ты...».

Сверкающая желтыми, светящимися глазами тень остановилась, и буквально через мгновение, я оказалась вздернутой на дыбы, прижимаясь носом к вычурной стальной кирасе. Откуда-то снизу послышался сдавленный хрип – это верная Черри, еще не понимая, что произошло, но не раздумывая и не гадая, пыталась прийти мне на помощь. Ноги стража сомкнулись вокруг меня, и...

И внезапно, я почувствовала, как полупрозрачный, газовый платок оказался сорванным с моей мордочки. Чьи-то губы коснулись моих губ, поцеловав меня раз, затем другой, и спустя несколько ударов сердца, огромный страж впился своими губами в мою беззащитную мордашку. Испуганно пискнув в жадно целующий меня рот, я заколотила передними ногами по груди сжимавшего в меня объятьях жеребца, совершенно забыв о каких-либо приемах, трюках и «когтях», беспомощно звеневших по его доспеху. Я сопротивлялась все тише и тише, по мере того, как пьянящий, горький запах старого табака окутывал мое сознание, а радостные мурашки огромным табуном начали гарцевать по моим крыльям и спине.

– «Скраппи...» – прошептал знакомый, и уже успевший стать мне таким родным голос – «Откуда ты... погоди, ты и вправду думала, что я смогу когда-нибудь ударить *тебя?*».

«Графит? Страж? Но как...» – глотая воздух, я болталась в воздухе, прижимаясь к груди нежданно-негаданно встреченного жениха – *«Почему он вновь в этом облике? Неужели... Неужели принцесса...»*. Бешено колотящееся сердце постепенно успокаивалось, но меня понемногу начинала колотить мелкая, постыдная дрожь от осознания того, *что* я могла совершить всего минуту назад.

– «Милая, я не успел?..».

– «Я не успела ничего?..» – одновременно спросили мы друг друга, и тот час же отвели в сторону глаза, ведь все было ясно и без слов.

Мы едва не покалечили друг друга.

– «Черри!» – вдруг вздрогнула я, отрываясь от груди... Кого? «Разъеби меня Селестия», как говорила одна серая единорожка, у меня язык не поворачивался назвать его просто пегасом, но я задвинула эту мысль подальше, подбегая к лежащей на земле грязно-серой пегаске.

– «Погоди!» – страж оказался быстрее, вмиг оказавшись рядом с моей подругой, и попытался отеснить меня в сторону закованным в сталь плечом – «Я разыскивал ее в течение месяца по личному распоряжению Верховного Стража Медоу. Она была осуждена судом Обители за нападение на командира и дезертирство. Госпожа лично подписала ее приговор, и...».

– «И *мы* нашли ее первыми!» – фыркнула я, сердито отпихиваясь от наступавшей на меня туши – «Посмотри на нее – она даже на ногах не может стоять от истощения, и богини знают, что еще сделали с ней эти мерзкие верблюды, кроме того, что сломали ей крылья! Что, сородичи уже для тебя ничего не значат, *страж?*».

Удар попал в цель, и заглянув в светящиеся глаза стоявшего передо мной ночного стража, я увидела, что он колеблется. В конце концов, мы были пегасами и осознание того горя, что постигло разыскиваемую им жертву, заставило его заколебаться и сделать шаг назад.

«Ну же, доверься мне!».

– «Давай сделаем так» – предложила я, стараясь не упустить момент – «Она останется на поруках кентуриона Скраппи Раг до момента возвращения на родину. А уж там я сама поговорю с Госпожой о ее дальнейшей судьбе. Ведь я имею на нее кое-какое влияние после того, как один, очень дорогой мне пегас, так тщательно и умело потер ей спину. Естественно, *после* того, как ты отчитаешься о хорошо проделанной работе».

«Я сделаю все, что можно для Черри. Не заставляй, не заставляй меня выбирать, слышишь?».

– «Пожалуйста, милый. Доверься мне» – прошептала я, подходя к высокой фигуре и делая жалобные, умоляющие глаза «Пуппикалуста!».

– «Хорошо, хорошо. Она твоя, дорогая» – сдался наконец страж, тяжело сглатывая и отводя взгляд от моих умоляющих глаз – «Но взамен...».

– «Что взамен?» – насторожилась я, глядя на белозубую улыбку, полную десятков острых зубов, сверкнувшую мне с высоты, когда серый пегас неслышно поднялся в воздух – «Что еще ты там задумал, а?».

– «О, ты скоро узнаешишшшшшш».

– «Не убегай, трус!» – раздался позади меня стон, и помятый, но не сломленный Буш расправил крылья, поднимаясь с земли, в то время как Хай, скрючившись в три погибели, брел ко мне с другого конца переулка – «Теперь ты мне должен один зуб!».

– «Ко мне!» – жестко распорядилась я, пристально глядя на декана, не позволяя ему отмазаться от меня плохо расслышанным приказом – «Помоги-ка мне поднять ее на спину. Хай, ходить-то можешь?».

– «Дааааа» – простонал мой верный опцион, страдальчески морщась и поминутно поджимая ногу к животу – «Кентурион, давай мы... Понесем».

– «Ага. Ты себя лучше понеси» – ехидно фыркнула я, расставленными крыльями придерживая голову и ноги лежащего поперек моей спины невесомого, отощавшего тела – «Или вон Буш может тебя положить себе на спинку. Я стала замечать, что он частенько подозрительно заглядывается на твой круп, и глаза у него становятся такие задумчивые-задумчивые...».

– «Клевета!» – возмутился бежевый, придерживая облокотившегося об него Хая – «Ты это от вредности характера так говоришь, кентурион! Мои чувства к боевому товарищу...».

– «Вот-вот» – ехидно покивала я, когда мы вышли из переулка к нашим бойцам. Перекатывающийся в темной вышине гром выгнал на улицы множество верблюдов, и моим бойцам пришлось плечами и копытами распихивать глупо мечущихся местных. Вновь заняв место в середине колонны, я аккуратно рысила вперед, старательно не

замечая удивленных взглядов легионеров, бросаемых на мою пахучую ношу – «Чувства всегда такие чувства. Кстати, Буш, у него вроде бы никого нет... Пока».

– «Скраппи! Командир!» – протестующее зарычал Хай под смех моих бойцов – «Ты что, специально нас туда потащила, чтобы проверить? И вообще, кто это был? Твой знакомый, который...».

– «Который так знатно сделал нас всех, как жеребят» – задумчиво покивала я головой, заметив краем глаза мгновенно насторожившиеся уши легионеров – «А что же до «знакомого»... Поздравляю вас, дорогие мои жеребцы. Вот вы и познакомились с Графитом – моим суженым и женихом».